

Александр Елисеев

СОЦИАЛИЗМ С РУССКИМ ЛИЦОМ

Русский народ живет плохо не потому, что мало работает, а потому, что работает много, сверх сил, направляя избыток своей работы соседям-иностранцам.

М. О. Меньшиков



Александр Владимирович Елисеев

Социализм с русским лицом

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17083471

*Александр Елисеев / Социализм с русским лицом: Алгоритм; Москва; 2007
ISBN 978-5-9265-0383-5*

Аннотация

В преддверии выборов все российские политики – рыночники и марксисты, западники и националисты – озаботились поиском «национальной идеи». Однако мало кто из них знает, что у нашего народа давным-давно существует действенный рецепт того, «как нам обустроить Россию». Это – традиционный русский социализм, опирающийся на крепкую власть, общинный менталитет русского народа и его стремление «жить не по лжи».

Александр Елисеев в своей книге рассматривает историю русского социализма и убедительно опровергает утверждение о том, что марксизм является единственным и незаменимым фундаментом социализма. Автор приходит к выводу, что у России есть свой особый путь к возрождению и величию – через национальный традиционный социализм с русским лицом.

Содержание

Введение	4
Капитализм в России: чужеродное тело	8
Русский рабочий как крестьянский революционер	16
Провал столыпинщины	25
Общинный проект русских консерваторов	30
Социалистическая монархия	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Елисеев

Социализм с русским лицом

Введение

Когда перестройка взяла свой катастрофический разгон, то выяснилось – социализм у нас построен «не тот». Да и, как потом объяснили, это не вполне социализм и даже вовсе не социализм. И тогда все радостно решили, что «хороший» социализм надо искать за бугром.

Это уже под самый занавес нам стали всовывать иностранный капитализм, а вначале-то речь шла об иностранном социализме. Китайском, венгерском, югославском, шведском, датском – и так далее. Очень странно, что не обнаружили папуасский или бушменский социализм – бурлящая перестроечная общественность проглотила бы и это.

Собственно говоря, именно этот поиск заемных моделей социализма и стал началом дичайшего чужебесия, которое охватило страну и развалило державу.

А ведь не мешало бы перестать крутить головами в разные стороны и посмотреть под ногами. Поискать свою – национальную модель. Тогда, помнится, все говорили о «социализме с человеческим лицом», но почему-то все эти «лица» обращались к нам с каким-то чужеземным акцентом. Между тем, почти никто и не думал искать социализм с русским лицом.

Всем было некогда. «Горбачевцы» настроились на социал-демократию. «Ельцинцы» уже задумывались о капитализме. «Ортодоксы» хранили верность марксизму, рожденному в Европе XIX века. «Почвенники» внезапно открыли Столыпина и ратовали за «русского хозяина».

Между тем россыпи нашего, русского социализма просто валялись под ногами. Русский социализм, в искаженном виде, присутствовали и в «плохом» советском социализме, и в разных народнических концепциях, и даже в писаниях некоторых монархистов. Но самое главное – социализмом была насыщена вся практика государственного строительства в России.

Этого у нас не понимают до сих пор. Как и во времена Горбачева, все поиски «правильного» социализма сводятся к попыткам внедрить в России европейскую социал-демократию. Как будто исторический опыт не показал всю провальность социал-демократии на русской почве.

Вряд ли возможна реставрация (в том или ином виде) советского социализма. Хотя у него по-прежнему очень много сторонников. Недавно социологическая служба РОМИР провела опрос, в ходе которого пыталась выявить отношение россиян к проблемам общественного устройства. Из всех опрошенных 21 % высказались за возвращение социализма. В основном это люди старше 40 лет, проживающие в сельской местности и мелких городах. Очевидно, ностальгия по старым временам все еще очень сильна. Это, к слову сказать, характерно и для стран бывшего социалистического лагеря. Возьмем, для примера, Польшу. Согласно результатам исследования, проведенного Варшавским центром по изучению общественного мнения, 79 % поляков считают, что в Польской Народной Республике у людей было больше денег, чем сейчас. А 73 % отметили большее чувство безопасности в то время. Столько же респондентов были убеждены, что при коммунистах в общественной жизни присутствовало гораздо меньше вранья, чем в новую эпоху. Показательно, что наиболее популярен Эдвард Герек (ему отдали свои симпатии 46 %), возглавлявший страну еще до Войцеха Ярузельского. Что ж, и у нас многие сегодня симпатизируют Брежневу...

Разумеется, на одной ностальгии далеко не уедешь – тем более, что она имеет обыкновение проходить. Но отношение к социализму в современной России вовсе нельзя сводить к одним лишь воспоминаниям об СССР. В этом плане крайне любопытными выглядят данные опроса, проведенного Центром социального прогнозирования. В ходе опроса за социализм эпохи СССР высказалось 16,4 % (это даже меньше показателей РОМИР). Но в то же время более 50 % выразили желание жить при «ином социализме», который совмещал бы социалистические и рыночные отношения. И только 20,2 % опрошенных отдали предпочтение «рыночному капитализму». То есть, как видно из данных опроса, большинство россиян – за социализм, но за социализм обновленный.

Что же это за «иной социализм»? И где его искать? Опять смотреть на передовой Запад? А если все-таки попробовать найти «формулу» собственного социализма – с русским лицом? Причем сделать это не по доктринерски, упершись в труды левых теоретиков, но творчески – присмотревшись к истории русской государственности.

Тогда выяснится, что социализм у нас был задолго до Ленина и Сталина – с первых русских царей. Его отличал четко выраженный патернализм, стремление защищать интересы общества и всех социальных слоев непререкаемой силой государства. И элементы этого патернализма у нас сохраняются еще и до сих пор – не столько в политике властей (которая довольно либеральна), сколько в общественном сознании. Б. Макаренко, директор Центра политических технологий отмечает по этому поводу следующее: «Пока государство имеет возможность подкармливать население, а действующая власть без риска финансовых проблем способна тратить деньги на социальные нужды, население будет голосовать за действующую власть, а не за оппозицию».

Итак, разговор зашел о русском патерналистском социализме. И тут надо сразу оговориться, что он является не столько «левым», сколько правым. Под «правизной» здесь, само собой, не понимается либерализм гайдари-чубайсовского разлива, на базе которого был создан пресловутый «Союз правых сил». «Правый» – это значит сторонник сильной государственности, национал-консерватор и традиционалист. К нашему прозападному либерализму это не имеет никакого отношения.

Не случайно, кстати, до революции правыми назывались монархисты-консерваторы (они же – «черносотенцы»). А тогдашние «чубайсы» типа Милукова себя никогда бы к правым не отнесли.

Вообще, надо сказать, что тут в наличии очень древний и важный символизм. У индоевропейцев «правое» всегда отождествлялось с чем-то прямым, с сутью, истиной, существованием (бытием). Причем они неизменно противопоставляли ему «левое», связывая его с кривизной, ложью и небытием. Особенно ярко это проявилось у древних славян, знавших о некоем метафизическом противостоянии двух вселенских начал – Правды («правой») и Кривды («левой»). В духовных стихах, свод которых условно именуется «Голубиной книгой», читаем:

Это не два зверя собиралися
Не два лютые собиралися:
Это Правда с Кривою соходила
Промеж собой они бились-дрались,
Кривда Правду одолеть хочет...

По данным «Голубиной книги», Кривда одержала победу на земле, а Правда ушла на небо. Тут уже содержится прямое указание на высшие, потусторонние реальности – «прямое правое» связано с верхом, а «кривое левое» – с низом.

Следует учитывать, что «левое кривое» не всегда символизировало зло – часто оно применялось для характеристики потустороннего земного, понимаемого как некая онтологическая оппозиция потустороннему небесному. Так, славяне относили мужское начало к правому, тогда как женское – к левому – кое-где и до сих пор во время свадеб и погребений женщины стоят слева от мужчин. Выдающиеся исследователи славянской мифологии В. В. Иванов и В. В. Топоров писали: «Противопоставление правый – левый лежит в основе древнего мифологизированного права (право, правда, справедливость, правильный и т. п.), гаданий, ритуалов, примет». Еще и сегодня бытует характерное выражение: «Даю правую руку на отсечение». Оно есть отголосок тех времен, когда, выступая на суде, человек апеллировал к правой, небесной стороне и изъявлял готовность принести ей в жертву свою правую руку, если его показания не будут правдивыми. Сам древний суд вершился князем, символизовавшим Божественное Небо. Позже немало судебных функций останется за монархом, который обладал тем же символизмом. (В этом плане немаловажным будет заметить, что пресловутое разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную является одним из ярчайших проявлений десакрализованного либерализма.)

Оппозиция правого и левого характерна и для христианства. Так, считается, что во время Страшного Суда праведники будут находиться по правую руку от Христа, грешники – по левую. За правым плечом человека помещают ангела-хранителя, тогда как за левым – беса-искусителя.

Весьма любопытным будет обратиться к одной из ритуальных практик времен правления царя Иоанна IV Грозного. В ходе разных дворцовых церемоний представители опричнины размещались по правую руку от царя, а представители земщины – по левую. Это носило глубочайший символический смысл – опричные территории рассматривались как некий небесный удел на земле (отсюда противопоставление земщине), как царство земных ангелов, воинов-монахов, управляемых царем-игуменом.

Таким образом правое, в противоположность левому, характеризует нечто священное, религиозно оправданное, благое и мужественно-героическое. Оно связано с Небом и устремляется к нему. Ввиду этого определение «правый» больше подходит традиционалистскому, национально-консервативному движению, выступающему за религию, империю, вождя и иерархию. Понятно, что такая правизна не имеет ничего общего с буржуазно-либеральными подделками. (В Европе правыми долгое время считались роялисты – сторонники монархии и враги буржуазной революции. И лишь потом «правая» была приватизирована буржуазными политиками. В России же эта приватизация идет со скрипом, СПС широкой поддержкой не пользуется. Таким образом, «левым» – изначально – был капитализм. А западный социализм был уже реакцией крайне левых Европы на ужасы раннего капитализма. И реакция эта оказалась совершенно неадекватной, нигилистической.)

Так вот, русский социализм – это правый социализм – самобытный и государственный. Именно он столетиями лежал в основе существования Российской государственности. И когда с этой основы сошли, то государство оказалось в огне революции. Но при этом Россия все равно не пошла по либерально-капиталистическому пути и выбрала левый социализм, идеологически разработанный на Западе. В данном социализме Сталин сумел найти правые, традиционалистские элементы, используя их в государственном строительстве.

Вот об этом и будет рассказано в данной работе, которая есть нечто среднее между историческим исследованием и политическим сочинением. И здесь будут частые ссылки не только на труды историков, но и на работы политиков – это позволит лучше понять сущность и стиль жесточайшего политического противоборства вокруг социализма и капитализма. Причем особенный упор будет сделан на политических сочинениях дореволюционных русских монархистов.

Надо сказать, что этот пласт нашей общественной мысли изучен пока еще очень недостаточно. Особенно это касается социально-экономических воззрений русских консерваторов, а ведь у нас разговор пойдет как раз об общественном устройстве России.

Кроме того, монархисты имели все возможности создать правую версию социализма, которая смогла бы противостоять и либерализму, и прозападному, левацкому марксизму. Они эту возможность упустили, но к правому социализму подошли достаточно близко.

Поэтому не помешает пристальнее посмотреть на русскую историю глазами монархистов – здесь можно обнаружить много необычного. И поучительного.

У нас привыкли смотреть на «черносотенцев» (кстати, название очень условное, ставшее пропагандистской страшилкой) или как на злобных и коварных погромщиков, или как простоватых, хотя и честных патриотов-охранителей. На самом деле монархическое движение той поры могло похвастаться блестящей плеядой идеологов, публицистов и экономистов. Их перу принадлежит множество интереснейших книг, брошюр и статей, большинство из которых не утратили своей актуальности и до сих пор.

Итак, вроде бы все необходимые пояснения сделаны. Пора, что называется, раскрыть тему. Но перед тем, как говорить о социализме в России, поговорим о его антиподе – капитализме. Надо выяснить – насколько глубокие корни он имел в нашей стране.

Капитализм в России: чужеродное тело

Спор о том, плох капитализм в России или хорош, особого смысла не имеет. Точнее имеет – если только речь идет о философии. Но когда мы обсуждаем – каким строим жить нам, русским, то здесь философия не очень пригодна. Гораздо полезнее обратиться к истории, сравнив хотя бы развитие городского уклада у нас и на Западе.

Вспомним, что в средневековой Руси так и не возникли вольные городские коммуны. В Европе монархи в борьбе с аристократией часто давали горожанам различные вольности и, тем самым, невольно укрепляли будущего своего могильщика – буржуазный уклад. Русская монархия этого опасного противовеса избегала, предпочитая напрямую контролировать все социальные группы. Города на северо-востоке Руси в XIII–XV вв. продолжали оставаться феодальными. А их купеческая верхушка была теснейшим образом связана с феодальной княжеской властью. Эту самую власть она же и кредитовала, выполняя ее различные финансовые поручения.

В коллективной монографии «Власть и реформы. От самодержавия к советской власти» об особенностях русской городской жизни пишется с плохо скрываемой досадой: «Города на северо-востоке страны хотя и имели ряд вольностей, были административными центрами волости во главе с князем. Это неизбежно вело к его вмешательству во внутреннюю жизнь города, где отсутствовали коммуны, не получили развития городские вольности и свободы, приобретаемые в результате длительной и кровавой борьбы горожан, подобно тому, как это произошло в странах Западной Европы».

Здесь сразу же обращаешь внимание на «длительную и кровавую борьбу». Так и хочется задать вопрос – а нельзя ли поподробнее? И действительно, об этой борьбе можно сказать много чего поучительного. Например, о том, что иногда в борьбе с феодалами погибали целые городские общины, а города подвергались повальному разорению. Или о том, что внутри самой городской общины часто разгорались кровавые конфликты.

Надо заметить, что в старинной Европе с ее «прогрессивным» городским укладом люди жили из рук вон плохо. Даже и в просвещенном XVIII веке Жан Лабрюйер, путешествуя по Франции, замечал: «Всматриваясь в наши поля, мы видим, что они усеяны множеством каких-то диких животных. Когда кто-либо из них поднимается на ноги, у них оказывается человеческое лицо. На ночь они прячутся в свои логовища, где живут черным хлебом, водой и кореньями».

Только в одном 1715 году во Франции от голода вымерло около трети населения. А в малюсенькой Саксонии в 1772-м количество погибших от этого социального «недуга» составило 150 тысяч.

Иную картину дает нам «отсталая», еще не пошедшая по «прогрессивно-европейскому» пути Московская Русь. Хорват Юрий Крижанич (XVII в.) с изумлением и негодованием пишет о московских порядках: «Люди даже низшего сословия подбивают соболями целые шапки и целые шубы, а что можно выдумать нелепее того, что даже простолюдины и крестьянки носят рубахи, шитые золотом и жемчугом? Шапки, однорядки и воротники украшают нашивками, шариками, завязками, шнурами из жемчуга, золота и шелка».

Не следует забывать, что «прогрессивное развитие капитализма», которое столь умиляет наших западников, стоило Европе гигантских жертв. В Англии предприимчивые помещики-ленлорды согнали с земли все крестьянское население. Это было сделано с тем, чтобы заставить крестьян работать на мануфактурах, которые принадлежали обуржуазившимся «новым дворянам». За сопротивление сгону с земли полагалась смертная казнь. И английские реформаторы-прогрессисты не стеснялись. При одном только Генрихе Восьмом каз-

нили 70 тысяч, 90 тысяч – при его внучке Елизавете (все население Англии – три миллиона!). Смертная казнь полагалась за 6000 видов преступлений – например, за кражу курицы.

Вообще, развитие капитализма в Европе всегда сопровождалось жесточайшим уголовным террором, который был призван навязать людям религиозное отношение к священной «частной собственности». Еще и в XIX веке подростка в Англии могли повесить за кражу в лавке. Щедро раздавалась и каторга. Вспомним хотя бы Жана Вальжана из «Отверженных» Гюго – этот бедняк получил пять лет каторжных работ за кражу из булочной каравай хлеба!

В том же самом XIX веке в САСШ законы разрешали фермеру безнаказанно убить человека, подошедшего к ферме менее чем на сто шагов, а безбилетных людей могли сталкивать прямо с поезда. Законодательство буржуазной Франции предписывало сажать в тюрьму рабочего, не нашедшего применения своему труду в течение трех месяцев.

Впрочем, наряду с уголовным, имел место быть и политический террор. Во Франции в ходе т. н. Великой Французской революции была развернута самая настоящая революционная война против крестьянского населения. Буржуазные революционеры-якобинцы практически полностью вырезали Вандейскую область, которую населяли крестьяне, особо приверженные традиционным ценностям и бывшие верными церкви и королю.

Кстати, именно крестьяне, составлявшие основу армии Бонапарта, больше всех пострадали в ходе «наполеоновских войн», представлявших собой авантюрную попытку завоевать всю Европу, а также Россию. В битве при Ватерлоо (1815 год) Наполеон был вынужден бросить в бой пятнадцатилетних подростков – настолько оказалась обескровлена крестьянская Франция, которая уже не могла давать новых солдат. Таким образом, оставшееся в живых «инициативное» меньшинство крестьян получило возможность относительно стабильно богатеть. (В Германии обошлись более «гуманно» – там большую часть малоземельных крестьян вытеснили из страны богатые крестьяне. «Неудачники» вынуждены были отправиться за океан, в Америку.)

В России вплоть до XX века таких ужасов не было. Да и в революционную эпоху большевики не додумались до того, чтобы согнать с земли всех крестьян. А Сталин не брал в армию подростков даже тогда, когда немцы стояли под Москвой.

Поэтому вряд ли есть основания переживать по поводу того, что мы не пошли по пути Европы. Это такой кровавый путь, который нам и не снился. За свое нынешнее процветание Европа заплатила столетиями беспрерывных ужасов.

У нас же капиталистический уклад (уклад, а не капитализм как таковой!) появился на столетия позже, чем в Европе, в середине XIX века. Пережив бурное развитие, он попытался перерасти в капитализм, но российская буржуазия не удержала политическую власть, захваченную в 1917 году. И это при том, что сама буржуазия была очень активной и деловую хватку имела медвежью. Российский буржуа выигрывал экономически, но проиграл на ниве политики.

Экономически сметливая буржуазия оказалась политически недалекой, что наглядно демонстрирует февральский переворот – акт потрясающего идиотизма (об этической стороне вообще умолчим). Свергать главу государства, ведущего ожесточенную войну, – для этого нужно иметь довольно-таки плохие мозги! Ясно ведь было, что это приведет к грандиозной радикализации населения и, как следствие, стремительному смещению далеко влево – к революционным социалистам.

Само вызревание российского капитализма происходило как-то ублюдочно, по-«социалистически». Крупные отечественные капиталисты изначально не были предпринимателями, они выходили из среды управленцев. Перед тем, как стать бизнесменами, они служили чиновниками – директорами акционерных предприятий и т. п. А знаменитые московские купцы-староверы, такие, как Рябушинский или Мамонтов, начинали свою буржуазную карьеру в качестве распорядителей при старообрядческих общинах. Понятно, что говорить

о полноценной предпринимательской ментальности здесь не приходится. Такая «ублюдочность» российского капитала ярко проявилась в деятельности многих буржуазно-либеральных политиков. Так, заместитель председателя ЦК кадетской партии кн. Д. Шаховской был приверженцем некоего «соборного социализма» (социалистическим идеалам, в той или иной степени, симпатизировала половина членов ЦК).

Уже после Февральского переворота либеральные политики из временного комитета Государственной Думы создали т. н. Союз эволюционного социализма (его возглавил известный философ Н. Лосский). Торгово-промышленный союз активно использовал в своей пропаганде образ революционного пролетария (!) и типично социалистическую лексику.

Можно также привести в пример Д.И. Шаховского, одного из лидеров кадетов. Он выдвинул концепцию «русского соборного социализма», основанного на преобладании кооперативного хозяйства.

Да что там говорить, если с апреля-мая 1917 года роль главных защитников капитализма взяли на себя умеренно-социалистические партии – эсеры и меньшевики, считавшие, что российский капитализм еще не исчерпал всех своих возможностей и социалистическая революция является отдаленной перспективой. При этом классические либеральные группировки (кадеты, октябристы) стремительно теряли свою популярность и уже не могли претендовать на роль авангарда буржуазной революции.

Да какой уж там авангард, когда сам российский капитализм плелся в хвосте у иностранного! Утверждать обратное – значит игнорировать многочисленные факты господства зарубежных капиталистов в ведущих отраслях отечественной промышленности. Вообще, стоит говорить о наличии внутри российской экономики двух мало связанных между собой укладов, один из которых был национальным и самобытным, другой – жестко ориентированным на западные рынки.

Профессор С. Первушин установил, что периоды спада и подъема дореволюционной русской промышленности не совпадали с колебаниями ее общего производства. И в то же время они полностью соответствовали изменению курса ценных бумаг на Парижской бирже. «Получалось, – комментирует эти данные историк Ю. Бокарев, – что капиталистическая промышленность в российском народном хозяйстве была до известной степени инородным телом, чье развитие зависело не от поступлений сельскохозяйственного сырья и колебаний крестьянского и помещичьего спроса, а от размеров иностранных капиталовложений».

Таким образом, капиталистический сектор представлял собой внеациональный, прозападный экономический уклад – в отличие от аналогичного уклада времен вызревания буржуазных отношений на Западе. Тот хотя бы черпал свои основные ресурсы из местной деревни, что и сообщало ему некую органическую крепость (пусть она и носила паразитический характер). Наш капитализм, пожалуй, не был и подлинным паразитом. Скорее он – шмат грязи, быстро снятый металлической щеткой большевизма.

Экспансией иностранного капитала были недовольны самые разные общественные слои. Но, пожалуй, самую убийственную их критику дали русские монархисты-консерваторы.

«Главный враг России – иностранный капитал, – уверенно заявлял А. Г. Щербатов, один из основателей Союза русских людей. – Перед иностранным капиталом заискивают русские государственные люди; ездят к нему на поклон в иностранные финансовые центры, как в былые времена русские князья ездили в Орду, представителей его встречают чуть ли не с царским почетом, от мановения его властной руки зависит – начнет ли Россия войну или нет, примет ли она невыгодные условия мира или нет».

По его разумению, самостоятельность Российского государства была только кажущейся, и он предсказывал, что вскоре вся отечественная промышленность будет в руках у иностранцев, а русские «будут использоваться как чернорабочие и низшие служащие».

Конечно, далеко не все русские националисты смотрели на перспективы развития российской промышленности столь пессимистично, но все, так или иначе, разделяли тревогу Щербатова.

При этом они приводили конкретные данные, отслеживая ситуацию по регионам. Некто Л. Г. анонимно оппонировавший министру С. Ю. Витте, отмечал, что «южная промышленность выросла, главным образом, на иностранных капиталах, строили ее иностранные инженеры и по иностранным образцам». Из 18–20 доменных заводов русскими можно назвать только Сулиновский завод и два завода Брянского общества. Причем заводы не только строились иностранцами, иногда их просто покупали. Л. Г. называл случай, когда «заводы прямо покупались за границей и целиком, со всем их устройством, перевозились в Россию» (пример – трубопрокатный завод Никополь-Мариупольского общества).

Печатный орган Союза Михаила Архангела журнал «Прямой путь» выражал тревогу по поводу того, что «...большинство бакинских нефтяных заводов скуплено небольшой кучкой иностранных миллионеров-монополистов». Журнал разоблачал авантюрную деятельность трех английских компаний «Anglo-Maikop», «Maikop-Pipe-Line», «Maikop-Victory», направленную на дезинформацию общественности. Компании через свою агентуру уверяли россиян в больших неудачах, якобы постигших нефтеразработку в районе Майкопа. Это делалось с целью последующей скупки сырья по дешевой цене. Монархист В. В. Есипов писал о настоящем вторжении немецкого капитала в Лодзинский район, практически полностью перешедший под его экономический контроль. Сверх того, свою долю урвали бельгийцы и англичане, скупившие инфраструктуру города.

Какой-либо пользы от иностранных капиталистов правые не видели. В. И. Гурко считал, что они только эксплуатируют Россию, не внося в ее экономику какого-либо значимого вклада. Он полемизировал с теми, кто указывал на роль иностранного капитала в хозяйственном подъеме Англии и САСШ. Согласно ему, в случае с этими странами можно говорить о прибытии не столько самих капиталов, сколько их обладателей, окончательно там обосновавшихся. В Россию же текут капиталы, прибывшие «на побывку». С их помощью иностранные дельцы извлекают из страны барыши, которые невозможно получить в данный момент на родине. Как только условия уравниваются, прибыль возвращается обратно. Такие капиталы являются «громадными щупальцами, которые... протягивают в чужеземные страны и при помощи коих втягивают в себя их богатство». При этом даже крушение предприятия не всегда позволяет вернуть эту прибыль стране пребывания. Сие возможно лишь тогда, когда «до наступления промышленного кризиса предприятия пережили несколько благоприятных лет, в течение которых успели, в виде прибыли, вернуть акционерам весь вложенный в них капитал».

Не была обойдена и тема спекуляции. Экономист Л. Н. Воронов утверждал, что «большинство иностранных предприятий отличается спекулятивным характером». Они рассчитывают на получение высокооплачиваемых казенных заказов и вообще на высокие цены выпускаемой ими продукции. Данные предприятия плохо выдерживают сравнительно небольшие колебания цен и вместо удешевления товаров ходатайствуют о выдаче вывозных премий для искусственного повышения цен. «Устроенные в погоне за быстрой и легкой наживой, – писал Воронов, – иностранные предприятия спешили, с первых же лет деятельности, выдавать крупные дивиденды, не изучая условий рынка, не приспособившись к его требованиям».

Много писал об иностранном засилье Л. А. Тихомирова – бывший народник, ставший одним из ведущих теоретиков монархизма. По его утверждению, в случае привлечения зарубежного капитала, на долю России приходится только заработная плата, в некоторых случаях – рента. Срок нахождения предприятий в собственности у иностранцев никогда не истекает,

в крайнем случае, они идут на продажу. Все то, что они получают, тратится на расширение собственной, иностранной эксплуатации.

При этом издержки иностранного производства минимальны, ибо кадры их, по большей части свои, иностранные. Небольшая компенсация, получаемая Россией в виде доходов казны, минимизируется и практически сводится на нет потерей в таможенных доходах. Происходит определенное облегчение доступа к займам, но занятые деньги тратятся на покупку тех же товаров иностранного происхождения. А иностранные дельцы тем временем получают в дополнение ко всему еще и свой промышленный процент.

Но мало того, интенсивное привлечение чужеземного капитала происходит в условиях протекционизма, вроде бы призванного охранять интересы российской промышленности, а на деле поддерживающего иностранцев, осевших в России. Если ранее иностранный капитал «должен был бороться своими товарами против наших пошлин», то «теперь он сам попадает под их защиту». «Он производится в России, – отмечал Тихомиров, – и не только не платит таможенных пошлин, но их существование обеспечивает ему промышленный процент прибыли».

Идеологи Союза Михаила Архангела обращали внимание на несуразность экономической политики правительства. Она проявлялась в том, что зарубежные нефтяные короли очень успешно пользуются специальным вывозным тарифом, позволяющим им постоянно взвинчивать цены. В итоге, 5–6 млн. рублей ежегодно перекадываются в «широкие карманы мирового треста». Этот же тариф способствует вывозу за рубеж огромного количества «продуктов первой необходимости, например, керосина, оставляя впотымах нашу деревню».

Иностранный капитал представлялся русским националистам начала XX века в качестве грандиозной паразитической, спекулятивной силы, эксплуатирующей Россию.

Особое звучание имела тема наплыва в Россию иностранных товаров. Данной проблемой специально занимался А. И. Череп-Спиридович, идеолог крайнего, консервативно-монархического панславизма. В одном из своих докладов Московскому славянскому обществу (1911 год) он подробно и красочно описал процесс захвата российского рынка иностранными изделиями. «Мы знаем, – говорил Череп-Спиридович, – какая безработица на Урале, знаем и то, как богат он всевозможными рудами; мы же выписываем у иностранцев на 23 млн. руб. дешевых металлов, на 27 с половиной млн. руб. изделий из простых металлов и на 80 млн. машин...». Он поражался тому, что Россия – страна лесов, в 1907 году уплатила за импортный лес 12 млн. руб. и 3 млн. руб. за столярную поделку, тогда как даже декоративные сорта леса (кроме черного дерева) растут на Кавказе.

Доходило до очевидного абсурда. Имея в распоряжении такие отличные минеральные воды, как «Боржом» и «Нарзан», наша страна выплачивала немецким производителям 700 тыс. руб. за воду «Аполинарис». «Вы с отвращением бросите воду эту, – предсказывал Череп-Спиридович, – не имеющую ничего минерального... когда узнаете, что берут ее из источника, расположенного рядом и ниже кладбища, которое во время дождей размывается...». А вода «Маттони-Гисгюблер», навязываемая отечественному потребителю, вообще принадлежала подданному Австро-Венгрии, ведущему на вырученные от ее продажи деньги бешеную антирусскую пропаганду.

Как и сейчас русских националистов весьма беспокоила преимущественно сырьевая ориентация отечественного экспорта. М. О. Меньшиков обратил внимание на следующее: «Обмен сырья на фабрикаты почти равносителен промену капитала на проценты. Страны, отпускающие сырье, торгуют, в сущности, собственной кровью, они не только истощают... исчерпаемые запасы своей природы – почву, леса, недра гор, но как бы ставят крест над собственной народной энергией. Последняя обрекается на самые тяжкие, наименее производительные, рабские формы труда. Задержанный в качестве сырья труд вынужден растра-

чиваться в количестве; чтобы получить из-за границы фунт обработанного металла или шерсти, нужно отпустить туда 3 пуда хлеба или масла».

С точки зрения Меньшикова, в России начала XX века происходило удушение отечественных производств, заранее лишенных возможности развиваться в условиях конкуренции с намного более лучшими товарами. Образованное общество оказалось развращено иностранными товарами и бездумно кормило население западных держав. «Если вы купите аршин сукна в Англии, – предупреждал Меньшиков, – вы дадите дневную работу англичанину». А ведь тот же аршин, купленный дома, мог бы накормить семью русского рабочего.

Получалось, что образованные и состоятельные люди переводят свои доходы за рубеж и кормят «как неприятельскую армию, целое сословие рабочих и промышленников чужой страны». Вывод, к которому пришел Меньшиков, прозвучал (и, наверное, прозвучит сейчас) весьма необычно для большинства россиян – русский народ живет плохо не потому, что мало работает, а потому, что работает много, сверх сил, направляя избыток своей работы соседям-иностранцам.

Русские националисты предлагали конкретные меры по противодействию экономической экспансии западных держав. При рассмотрении этих мер необходимо особо выделить два довольно жестких проекта Меньшикова и Тихомирова, предусматривающих «автаркизацию» российской экономики, уход страны в замкнутое, экономически самодостаточное пространство.

Первый выступил с апологетизацией «государственного одиночества», обосновывая свою позицию рискованным, но ярким сравнением с деятельностью талантливой личности: «Великие вероучители и вожди человеческие обыкновенно были одиноки – и никогда мысль их не была блистательнее, чем в это время. Но даже святые истины теряли в глубине и ясности, когда делались достоянием многих».

Меньшиков видел в государстве организм, который стремится, прежде всего, к развитию собственных сил, к достижению самодостаточности. Он склонялся к тому, чтобы свести взаимодействие этих организмов к минимуму. Ему, этому взаимодействию, он приписывал отрицательные последствия, связанные с ростом финансово-экономической «агрессивности». Мыслитель полагал: «Может быть, именно кипучий обмен товаров, причем каждая нация старается сорвать побольше со своего соседа, доводит международные отношения до теперешнего раздражения... Сильно расторговавшись, народы утрачивают благоприятный склад души... начинают смотреть друг на друга не как на друзей или честных врагов, а как на коммерческую добычу».

Меньшиков много размышлял о положительных последствиях создания «автаркичной», самодостаточной экономики. Замкнутость, с его точки зрения, способствует тому, что национальное богатство не тратится и «в общей сумме только накапливается». «Это как в налаженном хозяйстве, – прибегал он к излюбленному методу сравнений, – скормленный овес не исчезает совсем, а превращается частью в мускул скота и новую работу, частью в навоз и новое плодотворие». Автаркичность укрепляет тех, кто твердо стоит на родной экономической почве, разоряя хозяев, ориентированных за рубеж.

Тихомиров тоже был сторонником максимально возможной автаркии. По его замыслу, она должна была основываться на гармоничном взаимодействии всех территорий страны и ее производительных сил: добывающих и обрабатывающих. Согласно Тихомирову, задачи гармоничной экономики заключаются в том, чтобы «все отрасли естественных богатств... не лежали втуне, а энергически разрабатывались и перерабатывались своей же фабрично-заводской промышленностью».

В торговом отношении, промышленность должна ориентироваться на внутренний рынок, добывая нужное для страны и перерабатывая его на национальных фабриках и заводах. Тогда население получает новые способы увеличения своего благосостояния, склады-

ваются условия для «самой тонкой специализации труда». Деревенские жители получают обширный рынок в городах, города – в деревне. При автаркии «нация достигает не только наивысшего экономического обеспечения, но ведет и наиболее благородное экономическое существование, чуждое эксплуатации... труда менее развитых стран».

Правый экономист Н. Н. Шипов сосредоточился на вопросах таможенной политики, призывая активно препятствовать вывозу сырых материалов и, наоборот, поощрять экспорт обработанной продукции: «Словом, весь вывоз сырья мы должны постепенно превратить в фабрикаты и полуфабрикаты и тем дать колоссальные заработки русскому национальному труду, в ущерб заграничному». Особое покровительство, в виде процентов от доходов с таможенных пошлин, обещалось новым отраслям промышленности. Характерно, что вопросы их развития Шипов тесно, неразрывно связывал с вопросами протекционизма, так что второе фактически предшествовало первому.

Патриотическая организация «Русское собрание» в своих программных документах предлагало устранить иностранцев от казенного судостроительства, подрядов и поставок в казну. Схожие требования предъявляли Союз русского народа и Национальный союз землевладельцев и промышленников. Последний выступил еще и за увеличение числа русских консулов на иностранных рынках, призванное усилить защиту отечественных промышленников.

Череп-Спиридович решительно настаивал на резком сокращении ввоза иностранных товаров и требовал платить за хорошие русские товары те же цены, которые платят за иностранные. Он ставил в пример современные ему САСШ, бойкотировавшие и вытеснявшие японские товары. Череп-Спиридович также советовал учиться у Болгарии, которая в начале XX века ввела закон, предписывавший всем государственным чиновникам довольствоваться только продуктами отечественного производства. Положительно оценивалось им и введение болгарскими запретительных пошлин на иностранные товары.

Естественно, русские националисты начала XX века предпринимали и практические шаги по реализации своих протекционистских программ. Например, думская фракция Всероссийского национального союза (период третьего созыва) выступила инициатором пересмотра всей организации консульской службы. Ее представители заявили, что консулы должны служить, в первую очередь, торговыми агентами, а не чиновниками дипломатической части. «Националисты» хотели, чтобы их главной обязанностью была защита русских национально-экономических интересов. Не отставала от них и «родственная» (в политическом отношении) фракция правых. Ее представитель Н. Е. Марков отчаянно оппонировал в Третьей Государственной Думе авторам доклада по смете интендантского управления либералам А. И. Гучкову и В. В. Хвощинскому. Он упрекая их за излишнее пристрастие к производству хлопчатобумажных тканей в ущерб льняной промышленности. «Лен это есть природный русский продукт, – замечал Марков, – именно на льне живет природный русский крестьянин, а хлопчатая бумага получается из Америки, из-за границы, в лучшем случае из окраин нерусских... и вообще из нерусских мест».

В самый разгар критики инородного засилья (1906 г.) был создан черносотенный Союз народной торгово-промышленной самопомощи, учредители которого боролись за «русификацию промышленности и торговли». Они выступали за создание системы взаимной поддержки предпринимателей-националистов.

Нарисованная картина была бы неполной без одного, но значимого дополнения. Очень многие националисты опасались резкого и радикального противостояния экономическому напору западных держав. Они предпочитали постепенное накопление материальных сил при известном, но в той или иной степени, жестком ограничении иностранных влияний. Типичный образчик подобной тактики дает С. В. Зубчанинов, автор специального доклада о борьбе с немецким засильем в экономике на XI (1915 года) съезде Объединенного дворянства (кон-

сервативная организация дворянских губернских собраний). Разоблачая экспансионистскую деятельность иностранцев в России, он признавал необходимость функционирования зарубежных предприятий, надеясь, со временем, получить от них средства, которые можно будет потратить на борьбу... с самими иностранцами.

Тут, безусловно, сказалась непоследовательность русских националистов в противостоянии чуждому России и русским традициям капитализму, игравшая на руку иностранным капиталистам.

В ряде случаев ограничения на деятельность чужеземных предпринимателей шли вразрез с интересами аграрно-патриархальной России. В подтверждение тому можно затронуть вопрос об импорте в Россию западной (в основном, немецкой) сельскохозяйственной техники. Многие правые помещики, крайне нуждающиеся в ней и не имеющие возможности пользоваться маломощной отечественной продукцией, весьма отрицательно относились к таможенным ограничениям на поставку зарубежных машин и орудий. Консерватор Э. А. Исаев заявлял делегатам X съезда Объединенного дворянства: «...Нельзя оставлять отечественную промышленность без покровительства, нельзя убивать ее беспощинным ввозом иностранных товаров, но вместе с тем нельзя поощрять и интересы заводчиков. Наши тарифы должны быть урегулированы таким образом, чтобы они имели характер охранительный, а не запретительный».

Впрочем, правые имели в виду не только пресловутые «классовые» интересы дворянства. Они учитывали интересы всей аграрной сферы, обращаясь к положению крестьян. Депутат думской фракции «националистов» Синадино, критикуя министерство промышленности за политику резкого ограничения ввоза иностранных сельскохозяйственных машин, указывал, что если дворянство могло платить на 25–30 % дороже за сложные земледельческие орудия, то крестьянство, находящееся «накануне ломки всего своего образа мыслей» этого не сможет.

Вряд ли в данном случае можно упрекнуть правых в отсутствии достаточного патриотизма. Правительственная политика протекционизма зачастую была по интересам довольно широких социальных слоев. Да, ввоз каких либо промышленных товаров ограничивался, но в то же время не происходило сколько-нибудь заметного прорыва в производстве аналогичной отечественной продукции.

В любом случае, несомненно то, что русские правые оценивали деятельность иностранных капиталистов крайне отрицательно и видела их засилье в России. Но вот что показательно – никто из них не потребовал национализации иностранного капитала. Казалось бы, это было вполне логичным, учитывая весь его грабительский характер. Но правые не могли допустить и мысли о какой бы то ни было национализации. И этот сверхконсерватизм сыграл с ними очень злую шутку.

Традиционалисты не желали потрясения, и это желание можно понять. Но обойтись без потрясений вообще нельзя, иногда они становятся неизбежными. Капитализм душил Россию и прямо бросал ее в зависимость от иностранного капитала. В этих условиях необходимо было потребовать решительных мер по спасению страны. Как знать, будь у националистов чуть больше радикализма и, может быть, в Кремле сидели бы они, а не Ленин с его командой. Но правые продолжали опасаться, тогда как социалисты звали массы на приступ. И массы пошли за ними.

Русский рабочий как крестьянский революционер

Если буржуазия проявила ужасающую политическую слабость, то российский рабочий класс показал себя как мощная, хорошо организованная социальная сила. Он достаточно быстро отделил свои интересы от интересов буржуазии. Используя марксистскую терминологию, можно сказать, что российские рабочие очень рано перестали быть «классом в себе».

В России (стоявшей на пятом месте по уровню развития промышленности) была самая большая концентрация производства и рабочей силы, что способствовало росту самоорганизации «пролетариата». В 1913 году на крупных отечественных предприятиях (свыше 1 тысяч работников) трудилось 39 % всех рабочих (в Германии – 10 %). В одном только Петербурге было сосредоточено 250 тысяч фабрично-заводских пролетариев, что составляло одну десятую всего рабочего класса. К тому же среди российских рабочих было больше всего молодых (по сравнению с другими социальными группами). Люди в возрасте до 20 лет составляли 26 % рабочих, от 20 до 39–55 %. А стоит ли говорить – насколько радикально всегда настроена молодежь?

Показательно, что в революционном движении активно участвовал рабочий высокой квалификации, составляющие 10 % от всего рабочего класса.

Как представляется, недовольство капиталистами со стороны российских рабочих было не столько экономическим – обычно экономическая борьба рабочих оканчивается всего лишь уступками работодателей. Кризис поразили не столько систему распределения, сколько систему управления. Рабочим не нравилось то, что ими управляют буржуа, которых в России воспринимали как некое чужеродное явление. Вот если бы фабриками и заводами командовали «царевы слуги»... А еще лучше – артель!

Вот, к слову сказать, артель и была вполне социалистической организацией. Она представляла собой высокоэффективную хозяйственную организацию, члены которой всегда получали огромный материальный стимул к хорошей работе – великолепные заработки. Они во много раз превышали заработки наемных рабочих – и государственных, и «частных». Общественная собственность отрицает присвоение прибавочной стоимости одним лицом, частью хозяйственного коллектива или государством. Доходы распределяются между всеми его представителями, но не уравнилельно, а, так сказать, иерархически, в соответствии с конкретным положением работника. Следовательно, заработок работника коллективного предприятия намного выше заработка наемника – к обычной заработной плате добавляется еще и часть предполагаемой прибавочной стоимости, благодаря чему и возникает мощный стимул к труду.

Дореволюционные артельные рабочие всегда выигрывали по сравнению с работниками частных и государственных предприятий. Например, зарплата ярославских строителей, артельно работающих в Петербурге, составляла примерно 400–500 руб. в год (вторая половина XIX в.), тогда как работающие по найму зарабатывали не более 80 руб. Подобная оплата труда способствовала значительному снижению себестоимости. Так, артель Нижне-турьинского завода поставляла казне ударные трубки по 38 коп. – ранее государство было вынуждено платить за них по рублю. Другая артель взяла подряд на 25 тыс. руб., за который частные собственники просили 80 тыс. руб.

Артель достигала эффективности сугубо материальных отношении, но не предавала забвению и отношения духовные, особо акцентируя внимание на трудовой солидарности и братолюбии. Замечательный русский экономист М. Берви-Флеровский писал: «Русский работник не может жить без артели, везде, где работает несколько человек, составляется и артель: причем они не преследуют цель наживы. Главное – потребность общения... Отношение между капиталистом и работником холодное, оно основано на одном расчете...

Артельная жизнь, не слишком строгий расчет, где иногда место денежного вознаграждения занимает уважение – вот его настоящая сфера; работник при этом не теряет ни своей индивидуальности, ни достоинства, заслугу трудно оценить на деньги – он для артели сделает из уважения, артель ему за это оплатит почетом».

Артельная этика побуждала каждого рабочего считать свое предприятие действительно своим, чувствовать себя полноценным хозяином, жизненно важной «частью» единого организма.

Вообще, настоящие артели были своеобразными священными общинами, ибо их деятельность строилась на основе православного отношения к окружающему миру. Такая артель имела особое место для решения всех общих вопросов – оно располагалось у иконы (у образа). Неявка считалась прогулом, даже если работник не терял ни минуты собственно рабочего времени.

Вот бы что нужно было поддерживать русскому правительству! Но, увы, оно уцепилось за все эти банки и биржи. Зато большевики как раз и предложили российским рабочим нечто среднее между казенным заводом и артелью – предприятие, находящееся в государственной и в то же время в общенародной собственности.

На первых порах элементы общенародной собственности, действительно, присутствовали – возьмем для примера хотя бы рабочий контроль, осуществляемый фабрично-заводскими комитетами. Но очень скоро рабочее самоуправление свернули, передав все в руки государства. Рабочих серьезно «подставили», однако дело свое они сделали, выгнав буржуазию и утвердив диктатуру бюрократии. Но даже и этой бюрократии они подчинялись без какого-либо серьезного протеста. Все же – не буржуи!

Это, кстати, снова доказывает, что капитализм в России почти не утвердился. Он не сумел создать настоящей буржуазии и настоящего же пролетариата. Пролетарии никогда не осуществляют антикапиталистических революций, ибо составляют вместе с буржуазией некое единство. Да, они могут серьезно ссориться, обмениваясь «любезностями» в виде забастовок и локаутов. Но это из серии – милые бранятся, только тешатся. Рабочий класс никогда и не думал свергать буржуазию, что блестяще доказала история Запада. Там были сильные коммунистические партии (итальянская КП в 70-е годы получала более трети голосов на выборах), однако они нигде не победили. Напротив, большинство коммунистов, в конце концов, отказались от ленинизма, перейдя на позиции еврокоммунизма (левая версия социал-демократии). Причем, что характерно, те же самые итальянские коммунисты прибавили к себе «евро» еще до крушения СССР.

Собственно говоря, а почему рабочие должны были выступать против буржуазии? Разве рабовладельческий строй пал в результате восстания рабов? Нет, он был подорван развитием новых, феодальных отношений. И место рабовладельцев заняли феодалы.

И феодализм ведь тоже не был сокрушен «угнетенным» классом крестьян. Его сокрушили буржуа.

Так почему же капитализм должен был пасть в результате рабочей революции? Ведь сами же марксисты учили, что в любой формации существует два основных класса. Один господствует, а другой – подчиняется. Зачем же основному классу рушить основу?

И европейский рабочий эту самую основу не сокрушал. А в России – да, поднялся против буржуазии. Почему? Да потому, что рабочий класс в России был наполовину крестьянским. Большинство рабочих были таковыми лишь в первом поколении. Многие отличались теснейшей связью с деревней, с аграрным хозяйством. И психология рабочих была тоже во многом крестьянской.

Историк Б. Н. Миронов пишет: «В дореформенное время свыше 90 % рабочих рекрутировались из крестьян, не терявших связи с землей и сельским хозяйством, накануне революции 1917 г. – около 50 %. Вплоть до 1917 г. около 90 % рабочих принадлежали к крестьян-

скому сословию. Огромное число рабочих были отходниками. Крестьянское происхождение обнаруживалось во всем: в организации рабочих коллективов, в обычаях и ритуалах, в неуважении к собственности, в отношении к буржуазии как к паразитам, в монархизме, в склонности к стихийным разрушительным бунтам, в негативном отношении к интеллигенции и либеральному движению и т. д. В рабочей среде было много крестьянских обычаев».

Попав на фабрику и завод, вчерашние крестьяне не отказались от своего крестьянства. Но при этом они еще и научились работать в условиях жесткой фабрично-заводской дисциплины. Мужик-селянин получил навыки существования в больших, сплоченных коллективах. А те, кто не попал на завод, получили эти навыки в годы мировой войны. Поэтому городской рабочий был не совсем рабочим, а солдат-крестьянин был уже не совсем крестьянином. В России сложилась какая-то новая общность, в которой соединились черты рабочего, крестьянина и солдата. Именно эта общность и осуществила, под руководством радикальной интеллигенции социалистическую революцию.

По сути, это была новая крестьянская война (не случайно Ленина называли «Пугачевым с дипломом»). Но только ее вожди и участники взяли на вооружение выдающиеся достижения Запада – рационалистическую идеологию и партийную организацию. Ленину и его команде удалось соединить эти западные новшества и крестьянскую стихию, в результате чего он сумел одолеть прозападный капитализм. Но будь в России настоящий рабочий класс, сумевший сбросить «груз» крестьянской психологии, то у Ленина ничего бы не вышло. Он так и остался бы мечтателем-радикалом.

Все это позволяет лучше понять – какой же социализм построили большевики. Это был социализм «феодальный», точнее – патриархально-монархический. Ведь крестьянские войны никогда не были направлены против монархии. Тот же самый Пугачев объявил себя царем. Вот и в красной России было установлено нечто вроде монархии – при Сталине. А место дворян заняла партийно-государственная номенклатура. И новый «царь» – Сталин – был обеспокоен ее олигархическими устремлениями, решительно противостоя «партийному боярству».

Кстати, о монархии и монархистах. Мы немного подзабыли о консерваторах, а, между тем, их взгляд на рабочий вопрос достаточно интересен. Иногда они даже попадали, что называется, в десяточку. И в любом случае – признавали необходимость социальной защиты рабочих.

Редактор «Московских ведомостей» В. А. Грингмут в своем знаменитом «Руководстве черносотенца-монархиста» выразил это четко и кратко: «Положение рабочих, так же, как и других классов населения, нуждается в различных улучшениях...»

Часто националисты доходили до констатации чуть ли не катастрофического положения пролетариев, сопрягая ее с нравственным потрясением. «Мне не раз приходилось рассматривать детей в рабочих слободках, ютящихся вблизи больших заводов и фабрик, – писал И. А. Родионов. – Боже мой, какое болезненно гнетущее впечатление выносится из этих невольных наблюдений!.. Боже мой, это не дети, а тронутые морозом и подточенные червем, на маленьких стебельках, наполовину увядшие цветы. Они малы, слабы, бескровны, почти все с какими-нибудь органическими недостатками».

Тихомиров видел связь между улучшением материального благосостояния рабочих и осознанием ими необходимости служения русским православно-монархическим идеалам.

Согласно ему рабочий, в отличие от сельского жителя, имеет больше возможностей для приобщения к достижениям городской цивилизации, среди которых выделяется просвещение и вытекающее из нее умение сознательно формулировать свою политическую позицию. Однако рабочий находится в тисках эксплуатации, не позволяющей ему воспользоваться этими благами в должной мере. Поэтому, рассуждал бывший народник Тихомиров,

надо смягчить эксплуатацию, дав рабочему достаточно времени, чтобы он мог стать «сознательным борцом за русские идеалы».

Тихомиров предупреждал, что рабочий класс только тогда перестанет слушать революционную пропаганду, когда будут ликвидированы все ненормальные условия его жизни. В противном случае попытки монархистов отвлечь рабочих от революции окончатся провалом. Говоря о самой пропаганде, Тихомиров задавался вопросом: «Мыслимо ли противостоять ей одной традицией, да привычкой, которые, впрочем, подрываются сильнее всего в городе».

Плотно занимающийся хозяйственными вопросами Воронов указывал на сугубо экономический аспект проблемы: «Плохо оплачиваемый, слаборазвитый рабочий не проявляет ни надлежащего внимания, ни необходимой интенсивности в работе». Он ставил успехи промышленного развития в прямую зависимость от повышения благосостояния трудящихся и порицал предпринимателей за «недостаточное понимание таких простых вещей».

Воронов еще в 1897 году сделал специальный доклад на Всероссийском торгово-промышленном съезде, в котором настоятельно убеждал русских хозяйственников способствовать развитию страхования рабочих.

Подобные воззрения нашли свое отражение в программных документах многих монархических организаций.

Так, Русское народное общество «За Веру, Царя и Отечество» потребовало пересмотреть трудовое законодательство в соответствии с «местными особенностями... и началами, принятыми в этой области в наиболее просвещенных промышленных государствах». Его идеологи говорили об ограничении рабочего времени для женщин и детей.

В своей избирательной программе 1906 года Союз русского народа пообещал, что он будет содействовать рабочим в «возможном сокращении рабочего дня», «государственном страховании рабочих на случай смерти, увечий, болезни и старости», «упорядочении условий труда».

Проблематика защиты рабочих интересов более детально разрабатывалась на некоторых объединенных съездах монархических движений.

Например, Четвертый Всероссийский съезд Объединенного русского народа (1908 год) высказался за всемерное развитие помощи рабочим, потерявшим трудоспособность вследствие вредных условий труда. Делегаты призвали создать эффективную систему государственного наблюдения за справедливой оценкой рабочего труда «сообразно с временем, характером работы, развитием рабочего... местными и временными условиями». Кроме того, они предложили создать особый рабочий съезд «для обсуждения исключительно экономических условий жизни и труда...».

Московский Съезд русских людей (1910 год) поддерживал требования страхования рабочих от увечий, преждевременного истощения и смерти. Для этих целей делегаты предложили создать особый страховой фонд, состоящий из средств государства, работодателей и рабочих. Его участники потребовали жестко контролировать устройство фабрично-заводских и жилищных (для рабочих) зданий. Под строгий контроль предполагалось взять и магазины на производстве.

Участники съезда считали, что при каждом промышленном предприятии следует создать общеобразовательную и специально-профессиональную школу. На фабриках и заводах нужно организовать широкое распространение общеобразовательных и технических курсов, библиотек, специальной литературы. Кроме того, на производстве «должны быть приняты все меры к искоренению не только жестокого, но и грубого обращения с детьми».

Это, впрочем, только социал-реформистские требования. Между тем, для полноты картины нужно рассмотреть патриархальные положения «рабочей платформы» съезда.

Московский Съезд русских людей выступил за установление церковной опеки над рабочими. Он призвал развивать религиозное обучение в фабрично-заводских школах, создавать особые приходы для рабочего населения и активнее бороться с просоциалистическими сектами (имеющими влияние на пролетариат). Кроме того, предлагалось обеспечить рабочих церковной литературой. Делегаты съезда в своем коллективном постановлении отмечали: «...Христианское государство не может ни на одну минуту забывать о том, что человек живет не для стяжания одного лишь материального прибытка... но что он должен жить жизнью духа...» Они особенно возмущались желанием некоторых «прагматиков»-предпринимателей уменьшить количество праздников за счет увеличения количества рабочего времени. «...Не пришлось бы, – предостерегали участники съезда, – увеличивать и быстроту приближения человека к положению машины и рабочего животного».

Подобные вопросы поднимались и до того, как монархическое движение сформировалось. В 1902 году консерватор В. Успенский в журнале «Гражданин» обращал внимание на «ненормальные условия фабричной жизни, при которых рабочему люду приходится, вопреки зову Церкви, входя в сделку с совестью... променивать Церковь на фабрику, и в погоне за куском хлеба, проводить в стенах последней те дни, что должны принадлежать... всецело душе». Он считал ненормальным предоставление рабочим всего лишь двух дней для подготовки к Таинству Причастия (перед Пасхой). «Натура... рабочих, – уверял Успенский, – всем существом тяготит к Церкви...» Необходимо лишь дать им материальную возможность осуществить полноту духовной реализации.

Даже «пролиберальный» Всероссийский национальный союз разделял религиозно-патриархальный подход к «самому прогрессивному» классу. Касаясь его социального положения, московские идеологи организации определяли: «...Праздничный отдых должен свято соблюдаться».

Консерваторы почти дошли до идеи создания православного рабочего движения. Им оставался еще один шаг до того, что придать религиозную мотивацию прорыву в индустриальное общество. Индустриализация могла бы проходить в условиях религиозного подъема и восприниматься как некая сакральная обязанность укреплять Православную Империю. К слову, о такой возможности очень ярко написал Дмитрий Галковский: «Высшая форма русского труда – труд религиозный, монашеский. Это единственный вид «второстепенного», но вполне сообразного труда, именно труда-послушания... Историки недоумевают. Русский рабочий в начале века зарабатывал примерно столько же, сколько и западноевропейский (например: донецкий шахтер в 1904 г. в день 3,6 франка, бельгийский – 3,9). Откуда же беспорядки, злоба? Ведь не в одной же провокации все дело. Да русские на заводах могли бы вообще бесплатно работать, если бы индустриализацию проводили люди, знающие Россию. Как пошли бы на конвейер с иконами да хоругвями, с песнями.... И ничего странного, в Японии, по другим причинам, в ином качестве, но сходно поступили... Да и в России, только уже вывернутой, советской, как опошление...».

Но эта возможность была упущена – опять-таки все испортил сверхконсерватизм.

Весьма любопытными были национал-консервативные проекты «оземеливания» российского пролетариата. Так, участники Московского съезда русских людей решили: «Государство первой своей заботой должно поставить предотвращение возможности превращения всего русского рабочего класса в безземельный пролетариат». Делегаты высказали обеспокоенность стремительным ростом числа рабочих, не имеющих своего земельного участка и настаивали на оземеливании индустриальных рабочих.

Союз «Белое знамя» ставил благосостояние рабочих в зависимость от благосостояния деревни. Его идеологи утверждали, что богатая и сытая деревня «перестанет высылать на фабричный рынок массу конкурентов», и это поднимет заработную плату естественным путем, а кроме того, сократит продолжительность рабочего времени.

Но и здесь не было какой-то «искры», способной увлечь широкие массы. К тому же все требования защитить интересы рабочих зачастую сопровождались весьма существенными оговорками. К примеру, Царско-народное русское общество решительно отвергло возможность введения восьмичасового рабочего дня. Составители его программы определяли необходимую продолжительность рабочего времени наличным ростом производительности труда. Ссылаясь на страны Западной Европы (конкретно – Францию, где средняя величина рабочего времени составляла тогда 11–12 часов), они рассматривали большое количество трудовых часов как необходимость чисто экономического порядка. Идеологи общества считали, что их уменьшение неизбежно вызовет снижение производительности труда и, соответственно, приведет к вздорожанию продуктов фабрично-заводского производства. «Это будет налог в пользу фабрично-заводских рабочих, – предостерегали они, – и взиматься этот налог будет со всех классов населения, в том числе и с крестьянина, который не справляется о числе часов в рабочем дне, а работает по 20 часов в сутки...»

Прослеживаются вполне понятные опасения по поводу возможного роста иждивенческих настроений в социальных низах. Причем в ряде случаев данные настроения ставились в связь с настроениями революционными.

Журнал «Деятель» во время революции 1905–1907 годов яростно нападал на петербургское общество, снабжающее продовольствием бастующих пролетариев: «И это в то время, когда в том же Петербурге ходят с протянутой рукой искалеченные, изболевшиеся, вконец обездоленные наши солдаты и матросы, которые муки нечеловеческие терпели... когда петербургские рабочие отказывались работать на военных заводах, вырывая у «буржуазного правительства» и с голодного народа, себе всякие вольности». Журнал был уверен, что, поощряя этих «тунеядцев», правительство поощряет страшное социальное зло, ведущее к анархии и крамоле.

Забастовщиков монархисты вообще критиковали очень и очень жестко, посвятив данной критике немало брошюр и статей. Они пытались доказать, что забастовки невыгодны подавляющему большинству российского общества, в том числе и самим рабочим.

Монархисты уверенно заявляли – забастовки ущемляют интересы потребителя. Именно на него промышленные предприниматели и перекладывают свои убытки, получающиеся в результате уступок рабочим. При этом крупный капитал, по мнению монархистов, никакого ущерба не несет, ибо потери от забастовки компенсируются повышением цен. Помимо того, крупные капиталисты еще и повышают цены – выше того уровня, который необходим для компенсации. Они уверены – «забастовка все спишет».

Националист Л. А. Сахарнов в 1906 году писал: «... При появлении стачек и забастовок, все крупные мануфактуры, без всяких еще союзов получили за истекший год, как видно из отчетов, основательные барыши; а пострадал мелкий промышленник».

Приводились и конкретные примеры. По данным журнала «Прямой путь», после забастовки 1913 года цены на нефть и ее продукты поднялись до невозможного. Повышение, однако, этим не ограничилось и пошло по «цепочке», что выразилось во вздорожании фабричного топлива, увеличении стоимости фрахта.

Монархист В. Новгородцев называл конкретные цифры потерь со стороны рабочих-металлистов, взятые из доклада их профсоюза. В 1902 году благодаря забастовочной борьбе зарплата металлистов выросла (в среднем) на 19 %. Однако, за это же время стоимость жизни рабочего повысилась на 23–25 %, то есть в итоге рабочие потеряли от 4 до 6 %.

А вот И. Соболев подметил, что во время забастовок, когда рабочие не трудятся, зачастую возникает и растет их задолженность. Последующее получение требуемой прибавки (если оно вообще происходит) компенсирует только сам долг, но не увеличивает достаток.

Националистическая газета «Вече» подошла к проблеме забастовок с социально-нравственной стороны, осветив такое явление, как рост пьянства, неизбежный в случае прекра-

щения работ. Само пьянство неизбежно ведет к перекалыванию любого излишка в карман трактирщика и т. п. «благодетелей».

Некоторые консерваторы даже упрекали забастовщиков и стоящие за ними левые силы в тайном сговоре с крупным капиталом или некоторыми его представителями, использующими социальный протест для осуществления олигархических намерений.

П. Я. Буланов обвинил крупный капиталистов в том, что они намерено ухудшают и без того сложную жизнь рабочих – с тем, чтобы усилить их гнев и направить его против самодержавия. При этом они поддерживают само революционное движение, используя его в своих целях. В доказательство Буланов напоминал о фирме «Савва Морозов, Сын и К^о», потратившей 3 млн. руб. на революционное движение.

По мнению Буланова, самих левых подобное сотрудничество устраивает еще и по стратегически важным соображениям. Ведь усиление буржуазии и концентрация капитала являются, в соответствии с учением Маркса, Энгельса и т. д., «непременным условием для возможности решительного социального переворота».

Сахарнов ссылаясь на опыт Англии, где забастовочное движение только способствовало объединению капиталов. Он предсказывал заключение в будущем прочного союза рабочих объединений и капиталистов для совместного выкачивания средств из всей остальной России, потребляющей промышленную продукцию.

И совершенно неожиданную версию предложил монархист А. Лодыгин. Констатируя наличие постоянной и беспощадной борьбы между капиталистами и пролетариями, он замечал еще и наступательное единство этих двух социальных сил. Оно, по его мнению, направлено против общего врага, которым является «установившийся, существующий порядок в стране». Именно этот порядок мешает их междоусобице – чрезмерно жесткому отстаиванию узкогрупповых интересов. Капитализм и пролетариат были обвинены в стремлении создать «государство в государстве» – посредством трестов, синдикатов и профсоюзов. Противостоять этим олигархическим тенденциям может только сильная власть монарха. При этом Лодыгин признавал необходимым накопление капиталов и улучшение благосостояния рабочих, призывая лишь увязать «данные процессы с интересами остальных слоев населения».

(Уже после Первой мировой войны в Европе будет выдвинута теория сговора революционеров и «плутократов». Согласно ей забастовочное движение выгодно лишь финансистам, которые сами не страдают от стачек, но пытаются с их помощью разорить и поставить под свой контроль промышленников. Любопытно, что к этим же выводам пришли такие полярно разные наблюдатели, как бизнесмен Г. Форд и социал-демократ А. Гильфердинг.)

Нельзя не признать некоторую правоту монархистов. И в самом деле, наиболее продвинутые круги буржуазной олигархии вполне могли использовать забастовочное движение себе же во благо.

Но рабочих правые так и не убедили. А все из-за того, что отказались решительно выступить против капитализма, чего требовала от них сама логика традиционализма. Возможно, что последовательный антикапитализм помог бы вызвать устойчивое доверие к ним рабочих.

Тем не менее монархисты постоянно думали о том, как бы создать лоялистское, монархическое движение рабочих. Одним из самых горячих поборников этой идеи был Тихомиров. Примечательно, что он оценивал традиционалистский потенциал рабочих выше крестьянского. «Рабочие это мой самый близкий класс, – признавался он. – Я крестьян мало знаю и не сумел бы с ними сойтись. А рабочие мне – свои люди». (В свете сказанного выше о крестьянском характере пролетариата, такие оценки Тихомирова кажутся вполне логичными.)

Тихомиров возлагал большие надежды на чисто профессиональное движение рабочих, противопоставляя его социалистическому, идею которого создал не рабочий класс, а лагерь международной революционно-социалистической интеллигенции.

Он уверял, что в социализме нет ничего специфически рабочего, и левые партии не желают улучшить состояние пролетариата, ибо это снизило бы его революционность. Обращаясь к ситуации в Западной Европе, Тихомиров был склонен объяснять недовольство тамошних рабочих всего лишь недостаточной защитой их интересов со стороны либерального государства. Во времена же Средневековья государство, по его мнению, стояло на защите наемных работников (Тихомиров фактически отождествлял их с рабочими), охраняя цеха, корпорации и не допуская «разрыва между рабочей силой и орудиями труда». Порой законодательство прямо предписывало давать наемным работникам достойную плату (Англия времен Елизаветы Тюдор). Попытка либералов создать общество на индивидуальных началах привела к временному запрету на учреждение рабочих ассоциаций, напоминая прежние сословно-корпоративные структуры. В результате их место заняли левые партии, подменяющие интересы пролетариата своими политическими интересами. Это и привело к искусственному соединению социализма и рабочего движения.

Тихомиров неразрывно связывал интересы рабочего движения и государства, которое и хотят уничтожить социалисты, заменив его самим классом рабочих (в нем сольются другие социальные группы), который останется без естественного регулятора. Он считал большой ошибкой опасливое отношение царского правительства к профсоюзным организациям, представляющим опасность лишь в случае установления над ними контроля со стороны революционной интеллигенции. (Надо отметить, что Тихомиров внимательно изучал профсоюзное движение в европейских государствах, а также деятельность этих государств в области решения рабочего вопроса.)

Пользу профсоюзов признавали и многие другие консерваторы. Так, С. Ф. Шарапов даже был склонен рассуждать о положительной роли профсоюзов САСШ, построенных в соответствии с буржуазным принципом. Он несколько ошибочно видел в них всего лишь «взаимное страхование мелких капиталистов в ответ на стачку крупных». Впрочем, показательна сама положительная оценка.

Монархист В. Новгородцев также выступал за профсоюзы, очищенные от грязной накипи, и считал, что «рабочие сумеют самостоятельно, без «товарищей» хлопотать законными путями об улучшении своего положения». Его единомышленник Соболев отмечал необходимость создания рабочих союзов с целью увеличения сбережений, покупки важных вещей, взятие денег в долг с небольшим процентом.

«Русское народное общество за Веру, Царя и Отечество» выступало за свободу создания профсоюзов, но требовало устранения «случаев насилия над личностью и посягательства на имущество как способов присуждения к вступлению в союз или к участию в стачке».

И надо сказать, что монархисты не ограничились одними только словами. Наряду со всесословными движениями правые учреждали и «классовые» объединения монархически настроенных рабочих.

Впервые подобное объединение возникло 19 ноября 1905 года в Санкт-Петербурге под названием «Общество активной борьбы с революцией и анархией». Несмотря на то, что основали его не рабочие, а представители офицерства и чиновничества, деятельность «активников» с самого начала была направлена на заводы и фабрики. Они сумели завоевать популярность среди рабочих фабрики Джеймса Века, Франко-Русского и Путиловского заводов. Там они боролись против массовых увольнений рабочих. Кроме того, им удалось открыть филиал в Москве и Киеве.

Еще одна черносотенная организация – Союз русских рабочих, возникла в 1906 году в Киеве на базе крайне немногочисленного Патриотического содружества рабочих (лидер –

К. Цитович). Более или менее влиятельный характер оно приобрело после того, как им заинтересовались в киевском отделе Союза русского народа и киевская Монархическая партия. Они помогли содружеству преобразоваться в Союз русских рабочих и подготовить его программу.

Она была составлена с учетом интересов рабочего класса и предусматривала борьбу против произвола при расчетах и увольнении рабочих. Предполагалось оказывать взаимопомощи членам Союза, оказавшимся (не по своей вине) лишенными возможности работать. Кроме того, СРР брался за организацию досуга рабочих с целью отвратить их от пьянства и неблаговидного поведения. Он возлагал на себя заботу о создании рабочих школ и библиотек, планировал организацию чтений для рабочих, распространение в их среде патриотической литературы, проведение бесед, собраний и концертов. Программа союза также предусматривала создание особых мастерских, магазинов для продажи рабочих изделий, потребительских контор, контор для найма рабочих и прислуги. Она уделяла внимание вдовам, сиротам, оставленным детям, предусматривая оказание им помощи и организацию их воспитания в особых школах и мастерских.

На Урале действовало Патриотическое общество мастеровых и рабочих (г. Уфа). В 1909 году при живейшем участии активистов Русского народного союза имени Михаила Архангела возник Экономический рабочий союз. Зачастую функции корпоративных союзов рабочих выполняли всеобщие политические структуры. Так, Русская монархическая партия устраивала мастерские для обеспечения работой своих сторонников из числа безработных.

Мотовилихинский отдел СРН (Пермская губерния) развил энергичную деятельность по обеспечению заказами оружейных фабрик Пермских пушечных заводов. Он добился того, что в Мотовилиху приехал военный министр и обеспечил население работой на 3–4 месяца.

Все это было, конечно же, прекрасно. Но всего этого было мало. Рабочих можно было увлечь только антикапиталистической и социалистической «программой».

Провал столыпинщины

А что же крестьяне? Может быть, как раз русская деревня была готова принять капитализм и пойти по «спасительному фермерскому пути»?

Но нет – капитализация в дореволюционной России фактически не затронула сельское хозяйство. Столыпинское «фермерство» находилось во враждебной изоляции и после революции (февральской!) исчезло в одночасье. Община тут же вернула себе все земли.

Прослойка сельской буржуазии, конечно, существовала и оказывала серьезное воздействие на мир деревни, но и положение богатеев было предельно, катастрофически неустойчиво. Крупные дворы, засевающие более 12 десятин, постоянно распадались посредством деления растущих семей. В 1882–1911 годах разделились 67,4 % многосеющих дворов. Из них около 84,6 % уменьшили площадь посевов (более того, ее уменьшила и половина неразделившихся дворов). Зато малосеющие дворы демонстрировали тенденцию к устойчивому росту посевных площадей.

Сама же столыпинская реформа, направленная на разрушение общины, так и не привела к созданию устойчивого слоя крепких хозяев. Зато она вызвала мощнейшую пролетаризацию села. Дело в том, что более половины (56 %) всех крестьян, вышедших из общины (всего вышло 26 %), свою землю вынуждены были продавать и разорялись. Они просто-напросто не смогли вписаться в новые хозяйственные реалии, лишившись при этом столь привычной помощи «мира»-общины. Понятно, что эти люди были озлоблены на все и вся. Многие из них вынуждены были переселиться в города, где стали легкой добычей революционной пропаганды. Предполагалось, что «крепкий мужик» сумеет противостоять революции на селе. Однако этого не произошло – после революции зажиточные крестьяне с таким же энтузиазмом бросились грабить помещика, как и беднота. А ведь это можно было предусмотреть. Подобные вещи были широко распространены и в первую русскую революцию, когда зажиточные крестьяне действовали заодно с беднотой. В этом плане удивительные, на первый взгляд, данные приводил В. И. Гурко, активный участник съездов Объединенного дворянства и высокопоставленный работник МВД. Согласно ему, из 3710 домохозяев, участвовавших в беспорядках в Дмитровском уезде Курской губернии, 983 человека владели купленной землей в размере 4773 десятин. Среди грабителей были крестьяне, имеющие 40, 50 и даже 70 десятин (солиднейшие наделы!).

А в ноябре 1917 года министр земледелия уже подпольного Временного правительства Н. Ракитников в своем циркуляре писал о грабежах, именуемых аграрным движением: «... Выигрывают при таком движении только богатые, кулацкие элементы деревни, у которых есть на чем развозить и растаскивать помещичье добро, а бедняки и солдатки остаются ни при чем».

Итак, «справный» крестьянин не помог, а пролетаризированные горе-фермеры, вынужденные идти работать на завод, очень даже усилили революционное движение – в городах.

Так получилось, что против общины выступило большинство правых, монархических организаций. Речь идет о влиятельнейшем Постоянном совете объединенных дворянских обществ. Нужно назвать также «обновленческий» Союз русского народа (лидер – Н. Н. Марков, сочетавший радикальный национализм и поддержку думского парламентаризма), Всероссийский национальный союз (организация, близкая к национал-либерализму), Русский народный союз Михаила Архангела (лидер В. М. Пуришкевич) и др. Правые «столыпинцы» сделали ставку на разрушение традиционной, общинной деревни – с тем, чтобы спасти помещичье землевладение, придать ему в помощь «справного» мужика, якобы чуждого революционности. Вот они-то, вместе со Столыпиным, и выпустили из бутылки джинна капитализации – и заплатились за это.

А ведь именно национал-консерваторы должны были сыграть роль защитников традиции на селе. Но, увы, большинству из них пришлось сыграть роль разрушителей.

Естественно, всеми ими двигали самые что ни на есть благие намерения. Идеологи, выступающие за ослабление или даже полную ликвидацию общины, видели в ней рассадник уравнилельных, «аграрно-коммунистических» настроений. Послушать их, так именно община и являла собой ярчайший пример пренебрежения к частной собственности, прежде всего дворянской. Энергичный помещик-монархист Н.А. Павлов, выступая на 2-м съезде Объединенного дворянства, увидел опасность в гарантированном обеспечении крестьян наделом, которое практикуется при общинном строе. По его мнению, оно приучает их смотреть на всю землю, в том числе и не принадлежащую им, как на потенциальный источник удовлетворения своих потребностей в сельскохозяйственной площади. Националист Н.Н. Зворыкин вообще был склонен обвинять в левом эгалитаризме не только саму общину, но и ее защитников-монархистов. «Защитники общины, – утверждал он, – сами того не замечая, тянули за одну веревку с коммунистами, которые отстаивают существующую организацию уже, конечно, не ввиду сочувствия патриархальным началам, а единственно с целью помешать насаждению в России мелкой земельной собственности».

Впрочем, противники общины проводили четкое разграничение между общинным эгалитаризмом и собственно крестьянством. Они доказывали, что сельский «мир» есть нечто внешнее по отношению к земледельцу. Он якобы препятствует раскрытию истинной природы тружеников земли.

Лидер т. н. «обновленческого» течения в Союзе русского народа Н.Е. Марков уверенно констатировал: «Отдельный крестьянин, отдельный русский крестьянин – прекрасный, добрый, отзывчивый человек, но когда они собираются толпой, когда эту общину разные писаря поят водкой, тогда, действительно, эта община является зверем, против которого нужно бороться».

Один из идеологов Имперской народной партии, публицист А. Новгородский утверждал: «Крестьянство не может быть социалистическим в силу своего положения и условий труда. В основе крестьянского мировоззрения лежит идея собственности, во имя которой крестьянин работает». Он уверял, что в крестьянской работе имеет значение не только обилие пролитого пота и количество отработанных часов, но и сообразительность, инициативность и предприимчивость. Эти качества, характерны для «организатора производства, владельца, а не наймита».

Напрашивался вывод: в экономической сфере крестьяне, «органически» заинтересованные в результатах своего труда, представляют собой полную противоположность рабочим, которые совершенно равнодушны к вырабатываемым продуктам и заинтересованы лишь в количестве занятых часов. Эти логические построения вынуждали Новгородского требовать сокрушения крестьянской общины как явления противного собственнической природе крестьянства.

Интересна аргументация правого публициста М.М. Перовского, вознамерившегося опровергнуть известный тезис о том, что для крестьянина вся земля «ничья», точнее Божья. Такое представление, с его точки зрения, действительно укоренилось среди земледельцев. Но мужики, уже ставшие (при помощи Крестьянского банка) собственниками, демонстрируют совершенно обратное – они и не думают связывать свое приобретение с судьбами «мира».

Его мысли вполне совпадают с мыслями монархиста Н.Н. Зворыкина, который и само требование отчуждения помещичьих земель рассматривал в качестве проявления частно-собственнических тенденций. Причем – как со стороны крупных домохозяев, якобы желавших усилить земельный фонд общины для эксплуатации менее обеспеченных ее членов; так и со стороны мелких общинников, показывающих поползновения к укреплению своей

хозяйственной индивидуальности. «Где же тут стремление к коллективизму?» – задавался вопросом Н.Н. Зворыкин.

Критики общины обвиняли ее в экономической неэффективности. К примеру, Н.Н. Ладомирский отмечал, что общинники возделывают землю, руководствуясь не личными хозяйственными соображениями, а мнениями «мира». Они зависят от «мирского» решения даже в области севооборотов, установления сроков начала и окончания сельских работ. «Слепой консерватизм и бесконечная рутина» – таковой была общая оценка общинной организации, данная Ладомирским.

Не менее категоричным был в своих суждениях Н.Н. Шестак-Устинов. Его не устраивала медлительность общинного схода, отнимающего много времени и энергии на споры, обсуждения. Напротив, только частная собственность способна пробудить настоящую инициативу и защитить слабого мужика от сильного. Ведь разбогатеть самому – верный способ избежать эксплуатации со стороны богатых.

С.А. Володимиров и вовсе свалил на общину вину за провал кредитного дела и связанный с ним недостаток финансовых средств на селе. Оказывается, именно меры по сохранению неотчуждаемости общинного имущества уничтожили тот гарант, который необходим для получения кредита (под залог земли).

Оказалось также, что община виновна в ухудшении материального положения российского крестьянина. «Через это трижды проклятое общинное землевладение, – стонал Марков, – наш народ так ужасно, так поразительно обнищал».

Общинному идеалу многие из крайне правых противопоставляли идеал крестьянина-собственника, владеющего значительным количеством земли. Настолько значительным, что вслед за Марковым их можно было назвать «крестьянами-помещиками», или выражаясь словами М.О. Меншикова «собирателями земли Русской».

Положительно оценивая будущность такого крестьянина – фигуры совершенно новой (и по сей день) для России – русские националисты были вынуждены искать аналогии в практике нелюбимого ими Запада. Так, лидер Объединенного дворянства граф А.А. Бобринский приводил в пример крестьянские хозяйства Западной Европы, которые после ликвидации общины стали якобы процветать. Причиной этого, по его мнению, была «личная крестьянская наследственная собственность».

Епископ Митрофан (лидер фракции правых 3-й Государственной Думы) прямо признавал – пришло время заменять старое новым и заимствовать западноевропейские новшества – при всем отрицательном (!) к ним отношении.

Несомненно, сами правые были уверены в том, что подобные уступки не вредят консерватизму, а делают его более эффективным в идейно-политическом плане. Однако, объективно они шли на четко выраженный компромисс с либеральной идеологией. И это во многом укладывалось в общую схему столыпинской аграрной реформы, направленной на ускоренное «выращивание» сельской буржуазии в сочетании с умеренным конституционализмом.

Во многом, но далеко не во всем. И в данном отношении очень интересной представляется идейная эволюция самой влиятельной организации русских национал-консерваторов – Объединенного дворянства.

Этот «профсоюз дворян», настроенный консервативно, безусловно, поддерживал правительство, действительно надеясь (при помощи энергичного премьера) создать слой своих союзников – зажиточных крестьян. А также – устранить «радикальную», как им казалось, общину.

С другими же планами Столыпина, касавшимися усиления бессословного начала в системе местного управления, они были абсолютно не согласны. Равно и с тем, как проводилась ликвидация общины, и рост, на ее развалинах, крупного земледельца.

К удивлению правых аристократов, он, земледелец, все больше напоминал не маленького помещика, а маленького буржуа. И этот самый буржуа получил, посредством Крестьянского банка, слишком легкий доступ к дворянским землям, чей объем продолжал стремительно сокращаться – без всякой крестьянской революции. Параллельно с этим «ненадежный бедняк» был вынужден уходить в город, отправляться в Азию, пускаться в заведомо проигрышные для него эксперименты с личной собственностью, лишая при этом барина дешевой рабочей силы. Да в такой степени, что в мае 1913 года А.П. Нейдгардт, видный деятель Объединенного дворянства, вынужден был поставить вопрос о применении в помещичьих экономах иностранной рабочей силы в лице корейцев и китайцев.

Выяснилось, что основная масса дворян совершенно не готова к сколько-нибудь ускоренному обезземеливанию крестьян – и материально, и морально. Выяснилось это, впрочем, для самих незадачливых «столыпинцев». Многие же вольнодумцы из правых поняли это уже давно. Так, известнейший идеолог дворянского традиционализма и по совместительству сторонник освобождения энергии «предприимчивого» крестьянства, К.Ф. Головин, еще в 1896 году заклинал: «Оборони нас Бог в интересах бездушного производства забывать о нуждах простых людей, и, слепо подражая Западу, помогать обезземеливанию мужика».

Правое дворянство, сколь угодно «новое», «реформаторское», не в состоянии было расстаться с аграрным «коммунизмом». Как бы оно ни старалось, но дух общины витал над всеми съездами объединенных аристократов, упорно рушивших эту важнейшую опору консерватизма. Даже Гурко, один из наиболее либерально мыслящих идеологов Объединенного дворянства, выразил тревогу по поводу обезземеливания и говорил о пострадавших: «Я не могу согласиться с тем, что законы пишутся не для слабых и не для пьяных».

Только в глубоко консервативной атмосфере, сложившейся на съездах Объединенного дворянства, могли возникать проекты, подобные проекту князя П.Л. Ухтомского, выступавшего за... «оземеливание» части российского пролетариата путем оказания соответствующей финансовой помощи со стороны помещиков.

Столыпинский перелом явно противоречил самой природе дворянского «консерватизма». Потому-то Объединенное дворянство, из съезда в съезд, наращивало критику правительства, а земские начальники на местах (обычно придерживающиеся правых воззрений) скрыто, но успешно саботировали деятельность землеустроительных комиссий. На V съезде уполномоченных дворянских обществ (1910 год) столыпинским реформаторам было заявлено: «Правительственные мероприятия в области земельного вопроса, поскольку они касаются увеличения площади крестьянского землевладения, посредством скупки и раздробления частновладельческих земель... грозят разорением государства и выселением всего культурного слоя из сельских местностей. Закон 9 ноября 1906 года без применения решительных мер к расширению области применения народного труда, сулит образование безработного пролетариата».

Разочарование правого дворянства в преобразовании институтов собственности лучше всего выражает доклад Н.А. Павлова об экономическом объединении дворянства. Выступая по инерции за объединение с мелким собственником, он, в то же время признавал, что дворянству не на кого надеяться кроме себя и... техники, которая его «единственный друг и защитник».

Российское дворянство было кровно заинтересовано в общине, не сознавая это в подавляющем своем большинстве. В силу этого само правое движение было также заинтересовано в ней, ведь сословный союз помещика и земледельца, являлся неотъемлемой частью традиционалистского проекта. Столыпинские же реформы разводили их по разные стороны. Хуже того – они вели к расколу внутри крестьянства, способствуя дальнейшей фрагментации аграрной России.

Таким образом, крестьянство, в массе своей, было совершенно не готово к распространению капитализма на селе. Но то же самое можно сказать и о русском дворянстве.

Общинный проект русских консерваторов

Впрочем, среди правых было достаточно тех, которые решительно взяли сторону общины и общинности. Они составили нечто вроде отдельного идейно-политического направления. И его сила заключалась в убедительности известнейших правых идеологов С.Ф. Шарапова, А.Г. Щербатова, Д.И. Хотьинцева и т. д., а также в организационной активности Всероссийского Дубровинского Союза русского народа – единственной крепкой структуры правых, сохранившей верность «миру».

Защитники общины чрезвычайно ценили ее как основу русской самобытности. Шарапов называл общину «последним прибежищем русских исторических идеалов», а Щербатов был убежден, что «общинный строй землевладения, сопряженный с общинным самоуправлением помогли русскому народу сохранить свою самобытность».

Последний утверждал, что «одностороннее увлечение батраческим хозяйством, фермерством и однодворным хозяйством, по образцу английских и американских... противно историческому прошлому и будущему России».

В сознании многих националистов община представляла собой идеальный нравственный и социальный регулятор народной жизни. Шарапов с трепетом характеризовал ее в качестве «нравственного регулятора высшего порядка», выполняющего «первую задачу той Божьей правды, которую ищет всегда русский народ» – задачу противодействия чрезмерному возвышению или чрезмерному падению отдельной личности.

А вот Щербатову община была мила еще и тем, что общинники, соучаствовавшие в распоряжении земель, устанавливали между собой определенные «соседские бытовые отношения». Он предупреждал, что в случае чрезмерной концентрации земли новые хозяева потребуют разрешения всех возникающих проблем на основе формального права, с применением силы, а не дружественного соглашения.

Вот это полностью соответствовало патриархальному менталитету консерваторов, не покушавшихся на принцип неприкосновенности собственности, но желающих смягчить формализм юридического подхода «полюбовным», «семейным» соглашением.

«Семья, – считали П.Н. Семенов и А.А. Салтыков, оппонировавшие «реформаторам», – есть продолжение личности хозяина». Само слово «собственность» является новым, переводным, пришедшим с Запада. Там, в условиях раннего капитализма и тесноты земельного пространства, выдвинулся «внешний момент – момент индивидуального господства личности над вещью» (*фр. propriete, нем. Eigentum*). «Русский же народ называет собственность вотчиной, батьковщиной и отцовщиной, как бы подчеркивал в своем правосознании семейный момент собственности».

В отличие от правых, критиковавших общину, ее защитники-монархисты не находили у нее никакой революционности. Напротив, они видели в «мирской» организации одно из главных средств борьбы против социалистической революции, опирающейся на массу пролетариев – вчерашних крестьян, вынужденных уйти с земли.

Вынуждала их к этому, по мнению «ортодоксов», «хуторская» реформа, в чьей утопичности они никогда не сомневались. «Пора нам, наконец, перестать увлекаться европейскими афоризмами вроде: «дайте мне скалу, но только в личную собственность и я превращу ее в сад», – вразумляли правых «новаторов» Семенов и Салтыков. – На такой афоризм можно ответить: «Чтобы обращать скалы в сады нужны, прежде всего, капиталы, образование, знание и умение, которых у нашего крестьянина пока нет».

Консервативный публицист С.Г. Аксаков высветил одну интересную тенденцию – очень часто на хутора выселяются самые забытые крестьяне, продающие последнее в

надежде улучшить свое положение. Но его с таким минимумом средств никогда не улучшить в условиях индивидуального хозяйства.

Монархист А. Панфилов рассмотрел другую сторону данного вопроса. Он подметил неустойчивость мелкого крестьянского хозяйства, обусловленную зависимостью от внешних факторов (двух и более неурожаев подряд, смерти и тяжелой болезни владельца, пожара, падежа единственной лошади и т. д.). Панфилов отметил, что данная неустойчивость крайне опасна в условиях индивидуальной экономической деятельности, свободной от общинной опеки.

Никак не могли поверить в индивидуалистический «инстинкт» российского крестьянства дубровинцы – последователи основателя Союза русского народа А. И. Дубровина, отказавшегося от любых компромиссов с парламентаризмом и капиталистами. Они именовали столыпинскую реформу «огромной фабрикой пролетариата» и делали краткий, логичный вывод: «Единственно возможным противовесом западноевропейскому социализму может служить только наша община».

В отличие от «столыпинцев», «общинники» ортодоксы вовсе не считали, что в случае разрушения общины произойдет хоть сколько-нибудь заметный рост уважения к частной собственности. Они предсказывали – гибель «мира» приведет к прямо противоположным результатам. Наиболее ярко это сделал монархист Ф.Д. Самарин. Он резоннейшим образом заметил, что сторонники Столыпина, желая привить крестьянам чувство уважения к собственности, на самом деле дождутся обратного эффекта. И произойдет сие потому, что нарушение прав общины (коллективного собственника) в пользу отдельного крестьянина приведет последнего к мысли о возможности нарушения дворянских прав на земли. «Надо ли пояснять, – вопрошал Самарин, – к каким опасным последствиям приведут подобные представления, если они проникнут в крестьянскую массу».

Потому-то, кстати, и неправомерно говорить о том, что столыпинская реформа не предполагала насильственную ликвидацию общины, ибо выход из нее был сугубо добровольным. Отделяющиеся от общины уносили с собой часть общей земли, которая считалась принадлежащей мирскому целому – по обычному традиционному праву. Зачастую ортодоксы записывали в главные враги собственности тех же самых инициативных крестьян, на которых делали ставку «национал-капиталисты». Например, Д.И. Хотяинцев расценивал требование выдела участков к одному месту как «факт вторжения в законные земельные права общества». «Получается, – удивлялся Хотяинцев, – какое-то хозяйничанье единиц в имуществе собственника – сельского общества».

Из этих «продвинутых» «единиц» наибольшую неприязнь националистов-«общинников» вызывали удачливые и богатые «кулаки», «мироеды».

Крайне резко критиковали кулачество дубровинцы, взявшие сторону деревенской бедноты. Их рупор «Русское знамя» (доставшийся Дубровину в наследство от некогда единого СРН), громко заявлял: «В сознании народа царь не может быть царем кулаков».

Увлеченный полемикой Шарапов подвергал жесточайшей критике кулачество, доходившее до «полного бессердечия и жестокости, неуважения к старикам, нарушения семейных начал... и, наконец, падения веры и нравственности». Причем кулачество, подчеркивал автор, особенно опасно на русской почве, которая ему совершенно чужда: «Немец-ростовщик может быть очень мягким, сентиментальным, так как его удовлетворяет юридический аспект дела. Русский же кулак отлично знает о своей несовместимости с моральными нормами села и способен представлять только «нравственное чудовище».

Он-то и дискредитирует, главным образом, общину, благодаря которой еще возможно хоть как-то защитить от мироеда остальных крестьян.

И надо заметить, что критика кулачества велась не только касательно сугубо аграрных проблем. Так, консервативное «Современное обозрение» писало о презрении кулаков

к духовенству. «Обозрение» указывало на попытку деревенских «буржуа» подчинить себе сельских батюшек. Последние часто видят «как темные силы деревни, местные пауки, опутывают темный народ, сплошь и рядом развращая его и неверием, и недоброй жизнью...». Попытка же священника изменить положение дел приводит к тому, что «вся муть со дна взбаламученного... болота сельской жизни» поднимается в защиту «благодетеля».

Тут уже прослеживаются некоторые моменты социалистической критики, которая, так или иначе, была присуща всем правым. Хотя видеть особую «левизну» в данном случае не приходится.

В пику недругам общины, любящим порассуждать об ее экономической неэффективности, ортодоксальные традиционалисты опровергали расхожие стереотипы такого рода.

Со знанием предмета К.Н. Пасхалов приводил в пример Тарусский уезд, где общинники подняли производство до такой степени, что могли успешно конкурировать с помещиками. Многие крестьяне обращали часть полевой земли под сады и ягодники, выручая с них по несколько сот, а то и тысяч рублей.

Имевший богатый опыт взаимодействия с крестьянами, помещик Шарапов утверждал, что община способствует быстрому распространению полезных нововведений. По его наблюдениям, любое нововведение в общине (правда, всегда после напряженных раздумий) подхватывается всей массой. Он продемонстрировал это на опыте деревни Сосновка.

В начале 80-х годов XIX века С.Ф. Шарапов изобрел плуг с великолепными техническими данными. Ему даже была присуждена бронзовая медаль на конкурсе в уездном городе Любимове (Ярославская губерния). Несмотря на популярность этого плуга среди крестьян, его долгое время не покупали. Но стоило только двум сосновским мужикам купить плуг, как через два дня было продано 5 штук. А уже на следующий год (после зимнего межсезонья) население довольно значительного района (к северу от Сосновки на 15 верст полукругом) кинулось покупать их. В конечном итоге, плуг стали покупать даже бедняки. А ведь в начале в общине сложилась атмосфера критики, шуток. Работавших с новым плугом попросту не понимали. Вскоре же ее сменило «общественное, мирское давление» в пользу плуга.

Показательно, что С.Ф. Шарапов отводил помещичьим хозяйствам роль двигателя сельскохозяйственной культуры отдельных крестьян-общинников, за которым «тихо, но постепенно, всем миром, должна подвигнуться общинная масса».

Националисты выделяли такую важную особенность общины, как хозяйственная устойчивость. Она, по их разумению, была мощным препятствием на пути к разорению крестьян. «Община, – отмечал Шарапов, – обладает тысячью орудий самосохранения... В то же время отдельный хозяин, особенно хуторянин, страшно неустойчив». Он указывал на помещичье землевладение, которое, по его мысли, расплывалось и обезземеливалось именно благодаря индивидуальной собственности и «экономическому» одичанию».

При этом надо заметить, что националисты-общинники отнюдь не желали идеализировать предмет своей защиты. Они видели – община деградирует, но были склонны объяснять эту деградацию условиями, внешними по отношению к ней. Главной причиной падения общины правые считали политику правительства. Так, Шарапов утверждал, что община находится в состоянии хозяйственной деградации по причине отказа властей дать хоть какие-то средства на ее подъем, для которого нужны финансовые вливания, а также достаточное количество удобрений, хороших семян, племенных животных и т. д.

«Общинники» упрекали государственный аппарат в непонимании нужд общинной, самобытной России. Хотяинцев называл политику правительства в области насаждения личной собственности «жалкой бюрократической фантазией, ничего лучшего не придумавшей, как российских мужиков в каких-то робинзонов превращать». Несуразность виделась ему и в том, что «правительство, признавая... крестьян созревшими для совместного труда в

публичных собраниях с другими сословиями для выработки законов» одновременно содействует их «одичанию, расселению по хуторам».

Получалась интересная ситуация – столыпинская реформа, призванная усилить свободу хозяйственной деятельности, носила в глазах последовательных традиционалистов характер типично бюрократического мероприятия, ограничивающего права собственности. Эта бюрократическая затея ломала традиционный порядок, веками складывавшийся в условиях «органического», постепенного развития аграрной России. Она препятствовала правильному функционированию сельского хозяйства и укреплению экономической мощи русской деревни.

Вкратце касаясь последнего обстоятельства, можно обратиться к выступлению Шаропова на первом съезде Всероссийского союза землевладельцев (1906 год). Обращаясь к участникам съезда, он предупреждал: даже полюбовное размежевание крестьян потребует огромных капиталов (предназначенных на обзаведение новыми постройками и т. д.). А ведь они, капиталы, более нужны для подъема производительности земледелия.

Консерваторы-общинники вовсе не были какими-то упертыми ретроgrадами и твердо стояли на почве прагматизма. Они ни в коем случае не требовали простого возвращения назад, понимая всю сложность современных им реалий и необходимость взвешенного подхода к сложным проблемам собственности.

Если Ф.Д. Самарин и призывал отказаться от закрепления наделной земли в личную собственность крестьян, собираясь узаконить «идеальное право на определенную неизменную долю земли», то он видел это делом отдаленного будущего. В целом же он признавал личную собственность, понимая ее как «неизбежное зло». Самарин предлагал минимизировать отрицательные последствия указа 9 ноября 1906 года, усилив влияние общинной организации и резко сократив возможность отчуждения наделных земель.

Весьма умеренным было предложение Хотяинцева сохранить личную собственность крестьян – определив сначала постоянный размер земельной доли каждого общинника. Что касается перехода к личному хозяйству, то согласно Д.И. Хотяинцеву этот вопрос должно решить все сельское общество, а не его отдельные индивиды.

Схожим было намерение Аксакова соединить хуторскую и общинную систему, для чего он призывал:

1) точно установить размер хуторской земли (с учетом местных особенностей), достаточный для выгодного ведения хозяйства;

2) предоставлять право выселения только сильным крестьянам, имеющим необходимые средства и инвентарь, а также отличающимся не только энергичностью, но знанием и умением.

Но особенного внимания заслуживает детально разработанный проект А. Панфилова. Он предложил создать систему «общинно-хуторского наследственно-родового крестьянского землевладения». В ее рамках намечалось закрепить всю землю за общиной и параллельно разделить фонд на наследственные, родовые участки, раз и навсегда определенные.

Такие участки («хутора в общине») должны были пользоваться совершенной хозяйственной независимостью от схода, передаваться по наследству и при вымирании семьи переходить к «миру». Они подлежали бы продаже только членам собственной общины и только с ее согласия. В соответствии с проектом, их нельзя было закладывать ни банкам, ни частным лицам, а также отчуждать за долги. При выходе из общины всей семьей земля подлежала продаже «миру» (по местным ценам). В случае затруднения, возникшего в ходе проведения подобной операции, на помощь должно было прийти само государство. Желавшие сохранить старую систему могли бы не прибегать к таким нововведениям вообще.

Основной принцип умеренных «общинников» можно понять, обратившись к следующему утверждению редколлегии газеты «Русское дело»: «... Великое благо для России,

почти неизвестное другим народам – здоровое равновесие между общинным и частным землевладением».

В высшей степени любопытно заметить, что многие традиционалисты были уверены, что общинное начало присуще не только крестьянам, но и аристократии.

Тот же Панфилов рискнул заявить о существовании такого явления как «всероссийская дворянская земельная община». Она, по его мнению, была почти уничтожена после снятия запрета на продажу помещичьей земли лицам, не принадлежавшим к сословию дворян.

А его единомышленник, публицист А. Москвич сделал вывод о том, что «земля в земледельческом, а особенно земледельческом славянском государстве, не должна быть предметом вольной купли-продажи, ибо она фундамент государства». Он призвал перейти к «уездной дворянской общине, союзу дворянских родов целого уезда».

Такова была позиция консерваторов-общинников, которые твердо стояли на почве традиционализма, приближаясь, в то же время, к некоторым социалистическим положениям. Это было, конечно же, очень осторожное и неосознанное приближение. Вообще, тут теория – не главное. Многими консерваторами двигало, если так можно выразиться, социалистическое чутье. И выработано оно было многовековой практикой русского государственного социализма.

Социалистическая монархия

Правые консерваторы в большинстве своем считают любой социализм некоей левацкой ересью. Это идет еще от дореволюционных правых, которые видели главную угрозу самодержавию в социалистическом движении. Между тем монархию свергли вовсе не социалисты, а либералы, причем свергли в союзе с «прогрессивными националистами» типа Шульгина. (О любопытнейшем феномене национал-либерализма еще будет сказано ниже.)

Впрочем, были и традиционалисты, допускавшие возможность «правого социализма».

Речь идет, в первую очередь, о замечательном нашем мыслителе Константине Николаевиче Леонтьеве, который (как бы некорректно это ни прозвучало) был на голову выше всех тогдашних консерваторов. Именно он выдвинул шокирующую многих формулу «Царь во главе социалистического движения». В свое время некоторые деятели, стоявшие на позициях национал-большевизма, даже попытались увидеть в этих словах указание на будущий триумф сталинизма. Между тем в данном случае Леонтьев обосновал необходимость возникновения православно-монархического социализма.

Он замечал: «Чувство мое пророчит мне, что славянский православный царь возьмет когда-нибудь в руки социалистическое движение (так, как Константин Византийский взял в руки движение религиозное) и с благословения Церкви учредит социалистическую форму жизни на место буржуазно-либеральной». Речь, как очевидно, идет о том, чтобы Царь взял на вооружение те моменты социализма, которые препятствуют излишней подвижности и либерализму. Ясно, что идеи 1783 года несовместимы с идеей самодержавной монархии. Монархический социализм – это не «нигилистический бунт и бред отрицания, а... законная организация труда и капитала... новое корпоративное принудительное закрепощение человеческих обществ». Этот порядок не должен вредить «ни Церкви, ни семье, ни высшей цивилизации». Показательно, что Леонтьев находил некоторую социалистичность и коммунистичность уже и в современной ему монархии. Он писал о соединении самодержавия с общинным коммунизмом русского крестьянства. Кроме того, Леонтьев сравнивал коммунистические порядки с монастырским общежитием.

Кстати, о социалистичности дореволюционной России писал и блестящий монархический идеолог Иван Солоневич, который сам социализм, мягко говоря, недолюбливал: «Императорская Россия была страной, в которой по тем временам «обобществленный сектор народного хозяйства» был больше, чем где бы то ни было в мире. Государственный Банк контролировал все банки России и имел исключительное право эмиссии кредитных билетов. Большинство железных дорог принадлежало казне, а оставшиеся частные дороги стояли накануне «выкупа в казну». Государство владело огромными земельными пространствами, владело заводами и рудниками. Земская медицина была поставлена так, как она и сейчас не поставлена нигде во всем мире. Земства начинали строить свою фармацевтическую промышленность – с помощью государственного кредита. Русское кооперативное движение было самым мощным в мире».

Действительно, правый социализм это, прежде всего, именно практика государственного строительства. Такая практика, которая была характерна на протяжении многих веков русской истории. А вот левый социализм, импортированный с Запада, был, в первую очередь, именно доктриной, к которой и попытались приспособить государство Российское. Это, конечно, не значит, что правый социализм должен отказаться от доктринального оформления. Но его доктрина должна быть отражением государственной практики.

Теперь чуть-чуть этимологии – слово «социализм» (от лат. слова *socialis* – «общественный») означает преобладание целого (общества) над частью – личностью или группой лич-

ностей. Моделей социализма – десятки, если не сотни. Для разных стран характерны и разные модели.

Русский социализм отличен от коммунизма, который предполагает растворение государства, классов и других иерархических структур в некоей однородной коммуне. Он также расходится и с социал-демократией, которая сводит социализм к усилению общественного контроля трудящихся коллективов за властью и капиталом. Социализм по-русски – это «правый» социализм. Он подчиняет личность и социальные группы всему обществу, но это подчинение происходит посредством государства. Последнее выступает в роли гаранта и организатора процесса социализации. Конкретной формой подчинения части общества всему обществу является корпорация, которая создается и охраняется государством. Такой порядок сложился в Московской Руси.

Здесь общественные (земские) структуры обладали достаточной самостоятельностью, однако вовсе не были отделены от государства. Более того, эта самостоятельность несколько не мешала данным образованиям выполнять государственные функции.

Возьмем, для примера купеческие корпорации Московской Руси. К их мнению правительство прислушивалось – и еще как. Именно по просьбе купеческих объединений дважды, в 1653 и 1667 годах, принимались торговые уставы, вводившие очень большие пошлины на иностранные товары.

Но, помимо привилегий, члены купеческих корпораций несли и тяжелые обязанности. Они были торгово-финансовыми агентами правительства, закупали товары, находившиеся в казенной монополии, управляли крупными таможами и т. д.

Купеческие корпорации находились на службе у государства, а богатые купцы были не только предпринимателями, но и солдатами Империи, защищающими национальные интересы как внутри страны, так и вне ее.

Такая специфика берет свое начало еще в древности, когда купец был своеобразным воином, а воин – своего рода купцом. «Правда Ярослава» ставит на один юридический уровень «мечника» и «купчину». Любопытно, что в словаре В. Даля слово «товар» имеет еще и значение военно-купеческого похода. В летописях князья ставят свои «товары» напротив «градов». Участников данных военно-торговых экспедиций в Древней Руси именовали «товарищами». В XIII веке это слово практически выходит из употребления, но возрождается в среде казачества. В XX веке его берут на вооружение социалисты, которые, борясь с буржуазностью, невольно пробудили некоторые древние архетипы.

Русский корпоративизм неразрывно соединял государственное и общественное. Такое положение дел может показаться проявлением деспотизма, о чем говорят некоторые либеральные исследователи. Однако при внимательном рассмотрении заметны все выгоды от подобного соединения, особенно благотельного в тяжелых геополитических и климатических условиях России, требующих самой тесной консолидации власти и общественности. Государство, вмешиваясь в жизнь корпорации, не только стесняло ее, но и помогало ей, брало на себя заботу о ней. А корпорация облегчала работу государства. При всем при том, государство не поглощало общество, общество не противопоставляло себя государству.

Очевидно, что в России усиление свободы должно сопровождаться усилением государственности. Как, впрочем, и наоборот. Недооценка этого обстоятельства и приводила к краху все «демократические преобразования», пытающиеся усилить общество за счет государства, а личность за счет общества.

Нельзя обойти вниманием и другой самобытный земский институт – общину, на которую также возлагались обязанности государственного характера. Она была ответственна за сбор налогов и выполнение важных работ. Эта обязанность именовалась тяглом. Размер тягла, возлагаемого на каждое хозяйство, определялся не числом едоков, но исключительно размерами имущества, приносящего доход. Некоторые малоимущие семьи были избавлены

общиной от тягла – их просто не заносили в писцовые книги. Нетягловые общинники именовались «гулящими людьми», они могли располагать собой как угодно и перемещаться куда вздумается. Эта категория лиц стала важнейшим источником пополнения казачества, которое сохранило свободную общину вплоть до 1917 года.

Кроме того, общины-волости выполняли некоторые судебные функции. Они судили своих членов по всем гражданским и некоторым уголовным делам.

Администрация, назначаемая сверху, не особо вмешивалась в деятельность общины, следя лишь за соблюдением необходимого размера тягловых обязанностей. Примером может служить положение дел в Белозерском крае, которым управлял наместник великого князя Ивана III и 12 чиновников более низкого ранга. Представители Белозерской администрации выезжали в волости только тогда, когда речь шла о крупных уголовных преступлениях или территориальных спорах между общинами. Впрочем, в дальнейшем порядок управления общинами стал более регулярным. За положение дел в волости отвечал назначенный правительством чиновник – «волостель». Он действовал в тесной связке с деревенским старостой («посыльщиком») и земским приставом, непосредственно отвечающим за исполнение государственных повинностей. Указанные представители общины избирались на ее сходах. Без них ни волостели, ни воеводы не могли судить общинников и принимать какие-либо решения.

Выборные от общинников составляли особый орган – земскую избу, которая функционировала при земском старосте – выборном руководителе уезда. А выбирался он теми же крестьянами, а также населением городских общин. Последние сохраняли унаследованную от общин киевского периода организацию по сотням и десяткам. Горожане, жившие на государственных («черных») землях, составляли т. н. «черные сотни».

Земский староста и земская изба заведовали городским хозяйством, разверсткой земли. Она могла обсуждать дела крестьян и посадских людей, доводя свое мнение до воеводы или же до самой Москвы. Воевода не имел права вмешиваться в компетенцию органов земского (общинного) самоуправления.

Выборные от посадской общины принимали участие в деятельности Земских соборов, являвшихся съездами представителей от русских сословий и регионов. Крестьяне были представлены на Земском соборе только один раз – в 1613 году. Но именно тогда собор избрал царем родоначальника династии Романовых Михаила Федоровича (точнее – указал на его династическую легитимность). А посадские люди в дальнейшем активно участвовали в соборной деятельности и оказывали огромное влияние на принятие важнейших государственных решений. Так, Земской собор 1649 года, по требованию представителей от посадских общин, включил в принятое им Уложение особую главу «О посадских людях».

Все это опровергает домыслы некоторых философов, политиков и историков об «азиатском деспотизме» Московского царства.

Русские цари наделяли русские общины – объединения свободных хлебопашцев и ремесленников – огромными полномочиями. Другое дело, что свобода в московский период была неразрывно связана со строжайшей государственной дисциплиной. Такой порядок являлся важнейшим условием сохранения нашей национальной независимости в сложнейших геополитических условиях. При этом, нести государственное тягло обязаны были все сословия – и высшие, и низшие. Историк А. А. Кизеветтер по этому поводу замечает: «... Все население – от последнего холопа до первого боярина – оказывалось... закрепощенным без возможности сколько-нибудь свободно распоряжаться своим существованием... Зависимость крестьянина от служилого землевладельца была лишь своеобразной формой службы крестьянина тому же государству». С данным утверждением можно только согласиться, за исключением слов о невозможности свободно распоряжаться своим существованием. Факты, приведенные выше, свидетельствуют об обратном.

Внутри земельной общины вызревали процессы, направленные на ограничение ее свободы. Они были связаны со стремительным ростом крестьянского населения, выделением все большего количества дворовых хозяйств. Это приводило к увеличению дефицита земли, который не мог быть полностью компенсирован крестьянской колонизацией. Приходилось ограничивать свободу общинников в распоряжении землей с тем, чтобы поддержать мало-земельных и малоимущих.

Существовала угроза того, что земли окажутся сосредоточенными в руках отдельных богатых хозяев. Тогда произошло бы разорение крестьян, превращение их в пауперов.

Именно по такому пути и пошла Европа. Для экономистов и политиков либерального толка такое развитие событий всегда признается необходимым. Одни терпят неудачу и разоряются (а то и гибнут), другие, напротив, богатеют и процветают. В результате хозяйственная эффективность достигается за счет социальной несправедливости.

Но указанный подход был категорически неприемлем для русского правительства. Оно предпочитало хозяйственной выгоде социальную стабильность. Такое предпочтение вообще составляет одну из важнейших особенностей русского общественного сознания, сложившегося под влиянием общинной организации восточных славян.

В XVIII веке крестьяне теряют свободу распоряжаться своей землей. Вводится практика периодических переделов общинной земли. Переделы были направлены на то, чтобы не допустить излишнего неравенства, обеспечить хозяйственными ресурсами малоимущих.

Историки, в массе своей настроенные против переделов, все же отмечают, что их поддерживало большинство крестьян. Причем, вместе с малоимущими переделов требовали и многие зажиточные крестьяне. Они надеялись отрезать часть земли у малоимущих. Но этим эгоистическим замыслом был поставлен надежный заслон – в лице правительства, дворян и мирских сходов.

Вот как описывает переделы немецкий путешественник XIX века А. Гакстенхаузен, бывший, кстати сказать, очень большого мнения о русских общинных порядках: «Равномерный раздел естественно очень затруднителен. Пашня состоит из хороших, средних и дурных клочков, – одни лежат близко, другие далеко, для одного удобно, для другого нет. Как же все это выровнять? Конечно, это очень трудно, но русские легко побеждают эту трудность: в каждой общине есть опытные землемеры, научившиеся своему делу по преданию и исправляющие его справедливо и ко всеобщему удовольствию. Сначала дача разделяется на полосы, смотря по отдаленности или близости, по качеству земли и по степени ее удобренности, так что каждая полоса бывает совершенно однородна другим полосам во всех отношениях. Потом каждая из этих полос разделяется на столько участников, сколько находится в общине членов-участников, и участки разбираются ими по жребию. Таков общий порядок; но в каждой области, а часто и в каждой общине, установились местные обычаи, которыми он видоизменяется. Очень интересно было бы собрать все эти особенности. Например, в Ярославской губернии существуют во многих общинах особенные, чрезвычайно чтимые мерки. Длина этих мерок соответствует достоинству и качеству различных почв, так что, например, для самой лучшей земли – мерка самая короткая; для земли несколько похуже – и мерка несколько подлиннее, и, наконец, для самой худшей земли – и мерка самая длинная. Поэтому в этих общинах все участки различной величины, но именно тем самым они уравниваются в своей ценности».

Осуществляя распределение земли, община определяла порядок пользования общими угодьями – выгонами и пастбищами. Кроме того, она еще и устанавливала севообороты. Считается, что переделы и сопутствовавшее им уравнивательное землепользование являлись чуть ли не главным препятствием для экономического развития крестьянских хозяйств. Однако это голословное утверждение, не подтвержденное фактами, но ставшее общепризнанным мифом. С 1861 по 1906 год в 25 % общин вообще не проводилось переделов. Тем не

менее ни производительность труда, ни урожайность там нисколько не выделялись на общем фоне. Развитие крестьянского хозяйства тормозило, главным образом, отсутствие технической оснащённости села.

Именно общине и патерналистскому, социалистическому государству дореволюционная крестьянская Россия была обязана тем, что ей не пришлось пройти через плавильный котел пролетаризации. До революции развитие России шло быстрыми темпами – несмотря на малочисленность рабочего класса. Действительно, промышленный пролетариат составлял примерно десятую часть всего населения. Тем не менее, Россия находилась на пятом месте по уровню развития промышленности и на первом месте по его темпам. Это весьма существенно отличало ее от Запада, где высокие темпы роста индустрии были обусловлены разорением большинства крестьян и переходом их в разряд пролетариев.

У России была возможность избежать пролетаризации в больших масштабах. Община отпускала в города лишь очень небольшую часть своих членов, которые уже совсем не желали заниматься земледельческим трудом. И получалось, что их энергии вполне хватало для успешной индустриализации нашей страны. Таковы были чудесные качества русских рабочих.

Надо сказать, что государственная борьба с бедностью была отличительной чертой и другого православного царства, которое предшествовало Московской Руси. Речь идет о Византии, Ромейской Империи, чья культура оказала огромное влияние на Русь-Россию. Так, византийские императоры решительно противостояли крупным землевладельцам – «властелям», которые вели наступление на крестьян. В правление Константина Порфирогенета и Романа Лекапина императорская власть взяла под свою защиту владельцев мелких участков. В императорских указах читаем: «Возвысились люди, которые бесстыдно захватывают чужое имущество и обращаются с законными его обладателями как с рабами; могучие владельцы наперерыв друг перед другом стараются делать зло; они более жестоки, чем голод и зараза». Императоры признали крестьянские участки неотчуждаемыми – их было запрещено покупать, дарить, отнимать, выменивать – под любым предлогом. Прежде взятые участки должны были возвратиться к их прежним владельцам.

Православный социалист Г. Шиманов даже считает нужным говорить о «полусоциалистической Византии». Причем он отмечает ее постепенную эволюцию в сторону капитализма, который погубил империю. «В поздней Византии... росли латифундии, владельцы которых чувствовали себя независимыми государями на своей территории. До империи им уже не было дела. В такой атмосфере иностранные коммерсанты без труда захватывали ключевые позиции в хозяйстве страны и высасывали из нее богатства. Возмущение местного населения господством итальянских купцов было, похоже, не меньшим, чем возмущение ограбленных россиян... Сами императоры не знали, что делать. Они оказались в плену у окружавших их сановников, способных сменить любого неугодного им императора». (Показательно – капитализация сопровождалась ослаблением автократии).

Нечто подобное произошло и с Третьим Римом. Здесь, параллельно с социалистическим укладом существовали и уклад капиталистический. Он возник в 60—90-е годы XIX века, когда правящая элита России сделала ставку на частнокапиталистическую инициативу и привлечение иностранного капитала. России попытались привить совершенно чуждые ей общественные отношения, основанные на доминировании личности и корпоративных групп. Российское правительство заботливо выращивало капиталистический уклад, но он был враждебен ему же самому, да и всей России.

В 1917 году либералы, выражавшие интересы капиталистического уклада, уничтожили монархию, ввергнув Россию в состояние хаоса. Произошла огромная трагедия, ответственность за которую лежит как на левых, так и на «правых» (консерваторах-монархистах). Последние не смогли понять, что социализм может быть вполне национальным и государ-

ственным. Что, как практика, он уже давно существует в России и теперь его нужно преобразовать в идеологию, лишив троцких и свердловых всех козырей. Собственно говоря, о такой необходимости и писал выдающийся консерватор Константин Леонтьев. Но его не поняли и посчитали идею «правого» социализма непонятной фантазией. А ведь только эта идея и могла спасти монархию. Однако консерваторы фактически смирились с национал-капитализмом, отказав самим капиталистам лишь в праве на политическую власть. Они же эту власть завоевали, используя свои материальные ресурсы.

Завоевать власть буржуазия завоевала, но удержать ее не смогла. Возник некий идейно-политический вакуум, который заполнили социалисты крайнего, марксистского толка. Они были носителями социального нигилизма, возникшего на Западе. Именно там Маркс и его последователи требовали растворить государство и общество в некоей тотальной коммуне, ликвидировать власть, собственность, нацию и семью.

Совершенно очевидно, что такая нигилистическая идеология могла родиться только в либерально-торгашеской Европе – как неадекватная реакция на ужасающий произвол отдельных индивидуумов и групп. На несправедливость общественного устройства, бывшую следствием индивидуализма, европейские коммунисты решили ответить ликвидацией как государства, так и самого общества. Они оказались в совершенно чуждой им социокультурной среде, которая потом совершенно отторгла социализм, точнее трансформировала его в умеренную, рыночную социал-демократию.

Зато западный социализм оказался востребован в России. Причиной тому стал отказ русских государственников разрабатывать свою, самобытную модель социализма. В результате Россия перенесла на свою почву марксизм, который был заражен страшной нетерпимостью. Эта нетерпимость ведет свое начало еще со времен коммунистических средневековых сект катаров и альбигойцев, которые отрицали не только социальное, но и материальное бытие как таковое.

Ярость западных коммунистов была вызвана каким-то страшным метафизическим отчаянием, пониманием того, что Запад никогда не откажется от капитализма. Марксисты вынесли приговор всему Западу, всему его обществу. По сути, марксизм был идеологией самоубийства.

И вот эту идеологию русские социалисты попытались навязать России, которая столетиями жила при социализме, который был государственным социализмом, сохраняющим общество. Поэтому фанатики «мировой революции» (по сути – вселенского суицида) сосредоточили всю древнюю ярость европейского нигилизма на русском государстве и русском обществе. Отсюда – и красный террор, и русофобия 20-х годов, и коллективизация.

Тут надо коснуться одного распространенного заблуждения. Считают, что советский социализм был государственным. В то же время забывается о том, что всем управляла идеократическая КПСС – весьма специфическая часть общества. Она использовала мощные государственные рычаги в целях совершенно утопических. Ярчайший пример – альтруистическая поддержка разных «братских» режимов и партий по всему миру, которая серьезно подрывала советскую экономику. Сталин пытался укрепить именно государственных (и «средневековых») начала в советском социализме, но после его смерти этот процесс был практически свернут.

Между тем, государственный социализм и сейчас не оформился в доктрину, не стал мощной идейно-политической силой. И вот же совпадение – не стали таковой силой и сами правые, русские традиционалисты. Они удивляются – почему в России до сих пор нет настоящей правой партии? А чему тут удивляться – ее потому и нет, что сами правые и не думают ни о какой альтернативе этому безбожному и безродному космополитизму, который поедает весь мир. Зачем, спрашивается, народу поддерживать политиков, которые напрочь игнори-

руют вопросы общественного строя (или даже занимают откровенно национал-капиталистические позиции)?

Вот и получается, что роль ложной альтернативы играют левые (коммунисты и социал-демократы). А они исходят из совершенно неверного (причем в России – дважды неверного) посыла о том, что именно общество должно главенствовать над государством.

Как ни покажется странным, но роль государственно-социалистической партии, хоть и очень плохо, но с гораздо большим успехом, чем все другие политические силы, выполняет президентская вертикаль и стоящие за ней группы высшего чиновничества. Если левые допускают возможность парламентской республики и преобладания общества над государством, то пресловутая вертикаль не собирается отдавать власть парламенту и крупному капиталу. Более того, выстраивается даже некоторое подобие госкапитализма, который близок к госсocialизму (бюрократия пытается сосредоточить в своих руках как можно больше собственности).

Что ж, не должно удивлять и это, ибо чиновничество, каким бы «коррупцированным» оно ни было, все-таки занимается практикой государственного строительства. А это в России, хочешь, не хочешь, а накладывает свой вполне определенный отпечаток. В принципе, нынешний строй можно назвать полукапитализмом. Вот почему его критикуют на Западе, а наиболее последовательные российские либералы-западники говорят о «диктатуре путиничекистов».

Другое дело, что пока допускается существование крупного, олигархического капитала, который всегда будет стремиться захватить политическую власть. Он может затаиться на время, скрыть свои намерения. Но как только в стране начнется кризис, так крупные воротилы скажут свое слово. И можно предположить, что слово это будет сказано против государства.

В свое время дореволюционные правые (и само монархическое государство) уже обожглись на этой проблеме. Один из виднейших экономистов правого лагеря – Шарапов – утверждал, что монархисты не хотят лишить капиталистов ничего, кроме возможности взять политическую власть. Но как раз огромные капиталы тогдашних олигархов и подталкивали их к взятию этой самой власти. На каком-то уровне накопления капиталистам становится уже скучно и тесно в отведенном им пространстве материального преуспевания. Все-таки человек есть существо более политическое, чем экономическое (политика выше экономики). Поэтому как бы ни был пропитан духом буржуазности олигарх, а ему все равно хочется сыграть на политическом поле и стать не только хозяином собственности, но и обладателем власти. Вот почему все эти рябушинские, процветающие при самодержавии, стали поддерживать либеральную оппозицию. И добились-таки своего, хотя это и стоило многим из них собственности, а то и жизни.

К слову сказать, роль крупной буржуазии в свержении монархии обычно как-то ускользает от внимания монархистов, хотя они всегда очень пристально вглядываются в обстоятельства Февральской трагедии. Виновными объявляются все, кто угодно – масоны, евреи, дворяне, либералы, Запад, генералитет, интеллигенция. И только буржуазия почему-то всегда выходит сухой из воды, проливающейся во время этих исторических штудий. Иногда «прикладывают» еврейский капитал, явно пытаясь свести все к пресловутому «жидомасонскому заговору». Но как тогда быть с тем, что в рядах либеральных заговорщиков стояли многие и многие настоящие купчины-русачки, многие из которых к тому же являлись и старообрядцами?

Ответ на этот вопрос напрашивается такой – любой крупный капитал антинационален, он подвержен олигархическому перерождению и ведет все дело к либеральной демократии. (Показательно, что и крупный немецкий капитал, поддержавший нацистов, не чурался сотрудничать с американскими и иными плутократическими махинаторами. Крупные и тис-

сены активно подталкивали Гитлера к самоубийственной войне со сталинской Россией, которая была выгодна только англо-американским дельцам. Так, Тиссен резко и открыто выступил против советско-германского пакта 1939 года. Наконец, обращает на себя внимание то, что даже и в патерналистском Третьем рейхе монополии продолжали разорять мелкий бизнес. В результате политики насильственного картелирования в 1933–1939 годах с хозяйственной арены исчезло около 700 ремесленных предприятий. Зато возросло влияние монополий. К 1939 году 6 крупных банков и 70 акционерных обществ контролировали 2/3 промышленного потенциала Германии.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.